

Сейдахмет Куттыкадам

Хаос в умах и ответственность за культуру

I. Культура — не рента

Обстоятельная статья Андрея Русакова «Ответственность культуры и культурное многообразие»¹ с ее вулканической лавой обжигающих мыслей — яркий образец растерянного состояния умов интеллигенции на всем постсоветском пространстве, свойственного и мне, о чем можно судить по моему последующему описанию нынешнего состояния культуры в Казахстане.

Причин для этого много: крушение советской империи и последующее крушение демократических надежд, с ним связанное, обман либералов (точнее квазилибералов) и цинизм властей, потерянная сама интеллигенция и озлобленность народа, дикая «прихватизация», при которой кучке рвачей досталось почти все национальное богатство, а «толпе» — по несколько ваучеров, годных только для разового использования, соблазны рынка, оказавшегося дамой по вызову для примитивных «новых» русских, казахов, украинцев... горячо холодная третья мировая война и глобальный кризис всех ценностей — социальных, финансовых, моральных, эстетических, экологических... и, конечно, культурных.

И Зло, торжествующе шагающее по планете.

Когда на мыслящего, ответственного и чувствительного человека обрушиваются такие громадные проблемы, с которыми непонятно как справляться, его сознание инстинктивно ищет главного виновника. Его обнаружение ни в коем случае не помогает решению проблем, но приносит психологическое удовлетворение и примиряет с реальностью. Так на кого же возложить основную ответственность за «годы национального позора» в России (в Казахстане, в Украине, в Молдове...)? На бога? Но он, видимо, скрылся неведомо куда от позора за то, что насозидал. На власти? Но им дела нет до ответственности перед какой-то там историей и голодной неразумной толпой, которую они только во время выборов именуют народом. На козни бесчисленных врагов — явных и тайных, — разыскиваемых ультрапатриотами? Но что это может дать? Краткий нервический патриотический позыв, после которого надо опять возвращаться к своим баранам. На себя? Вы в своем уме? Что может зависеть от меня? Да ничего!

Сейдахмет Куттыкадам — известный казахстанский публицист, философ, главный редактор журнала «Мысль», автор многочисленных публикаций в казахстанских и российских периодических изданиях, а также очень популярных в Казахстане книг «Служение нации» (2009) и «Казахская драма» (2010). В 2015 году в Москве (изд. «Беловодье») вышла его книга «Дао Алтая. Исток человеческой цивилизации» (см. рецензию Льва Аннинского в «ДН» № 2, 2016).

¹ См. «Дружба народов», 2016, № 1.

Так на кого же? Ну да, конечно, на хваленую богатую культуру, которую мы так воспевали, так ею гордились, так ее возносили и так на нее молились! Почему же ты, Великая культура, не протянешь нам руку помощи в столь тяжелую минуту? В чем же твое величие и предназначение, если ты безучастно зришь на наши беды? Молчишь? Есть в тебе червоточинка, потому и молчишь!

И Русаков восклицает: «Если национальная культура воспитывает лишь агрессивных идиотов, тихих обывателей и людей, которые в решающие для страны годы могут лишь наблюдать, рефлексировать и возмущаться, то, быть может, что-то не так с этой культурой? Или — как минимум — в наших с ней отношениях?»

Далее: «...само сочетание слов "национальная культура" указывает на факт вольной или невольной ответственности культуры за историческую судьбу народа, ее создающего и ею создаваемого».

Что можно сказать по поводу всего этого? Нет, не культура ответственна за народ, а интеллигенция — за народ, а народ — за культуру, если он хочет оставаться культурным. Охлаждение отношений со своей культурой — это совокупная вина интеллигенции и народа.

Культура способна нести свет и поддерживать тепло в национальном очаге только тогда, когда ее огонь поддерживается, то есть когда каждое поколение подбрасывает свои «дрова» в этот очаг.

Думаю, не великая русская культура, особо славная величайшей своей литературой «Золотого века», виновата перед современными россиянами, а россияне виноваты в том, что перестали заботиться о ней.

Мы привыкли относиться к народу как к некоему невинному младенцу, который чист и свят и ни за что не отвечает. Но пора относиться к нему как ко взрослому, который ответствен за себя и свою культуру.

Связь между народом и доставшейся ему в наследство от предыдущих поколений культурой не проста. Принято считать, будто национальная культура — это нечто неизменное, данное в вечное пользование народу, — эдакая пожизненная духовная рента.

Но так ли это?

Какая связь между культурами Древней Эллады и нынешней Греции; Древнего Египта — и современного; Древней Сирии — и современной; Вавилона — и Ирака; Карфагена — и Туниса; Древней Нубии — и Судана?..

Только формальная!

Конечно, время меняет все, в том числе и народы. Но перемены переменам рознь. Те народы, которые берегут и поддерживают свою культуру, такие как Китай, Индия, отчасти Иран, сохраняют духовную память и остаются в значительной мере теми же народами.

Народы, в течение нескольких веков не вносящие вклада в свою исконную культуру, теряют связь с ней и не могут оставаться прежними, они становятся другими. Поэтому древние и современные греки, египтяне, сирийцы при общем названии и общей территории — это разные народы.

Связь между культурами России XIX и XXI веков еще не прервана, но связующие их нити истончаются, и если их не укрепить, разрыв возможен.

Фраза Русакова: «Политика глазами культуры — это действия центральной власти и действия против нее» — вызывает исторические реминисценции.

В России почти все исторические и культурные достижения и проблемы упираются в одну личность — Петра I, и о том, что в ней перевешивает — свет или тень, спорят до сих пор. Они так переплетены, что трудно отделить одно от другого, но условно выделим тень и повторим о ней. Разумный и безболезненный переход от одной парадигмы политико-культурного развития к другой предполагает долгую эволюцию. Первый российский император вместо эволюции избрал революцию (потому, видимо,

и был любим большевиками) и по историческим меркам в одно мгновение жестоким, силовым методом насадил в России чуждые ей тогда политику и культуру.

Проводницей политики Петра I стала в основном «новая знать», обязанная ему своим выдвижением и готовая выполнять любые его указания.

Российская «культурная душа» взвела от боли и стала рваться к своей природе, но ее варварскими политическими методами загоняли в прокрустово ложе «европеизации». В результате произошел раскол не только в религиозном, культурном и бытийном планах, но и между сознанием в «голове» государства и душой в «сердце» народа. Олицетворением государственного сознания является политика, души народа — культура. Это разделение сознания и души имело далеко идущие последствия.

Петру I и Екатерине II удалось утвердить новые политические порядки в империи. Они хотели добиться того же и в культуре, но здесь дело ограничилось в основном сбыванием бород, париками и косметикой. Сознанием легче манипулировать, чем душой — здесь силой трудно чего-то добиться.

Об этом по-своему говорит Андрей Русаков.

«В "литературноцентричную эпоху" русская культура вступила со зрелостью Пушкина и разгромом декабристов. Эта родовая травма "вшила" в нее роковое восприятие истории, комплекс общественно-политического поражения, болезненное расщепление взглядов на народ, государство и "образованный класс", резкие перепады от радикализма к верноподданничеству и/или громко декларируемой аполитичности».

Со «вступлением» все верно, но «травма», мне кажется, была нанесена раньше.

Итогом этой долгой, сложной и подспудной борьбы явилось великое чудо — Золотой век русской литературы. Да, писатели России учились технике изложения у европейцев, но это была самобытная литература, отражающая русскую душу. Подражательная никогда не бывает великой. Таким образом, русская душа явственно выразила самостоятельность и дистанцировалась от российской политики, то есть после этого политика, выражающая государственное сознание, и культура, олицетворяющая душу народа, пошли каждая своим путем. (Не только Гоголь и Салтыков-Щедрин в Золотой век русской литературы изображали власти предержавшие не в лучшем виде.) Дворянское сословие несло в себе оба эти начала, порой в пределах одной семьи, и это позволяло избегать антагонизма и сохранять равновесие между ними.

С установлением советской власти, когда большевики уничтожили дворянство как класс, политика и культура окончательно разделились на власть и интеллигенцию, причем культура стала служанкой политики. К чему это приводит на примере Германии точно описал Томас Манн в статье «Культура и политика»: «Политическое безволие немецкого понятия культуры, игнорирование им демократии страшно отомстило за себя: немецкий дух пал жертвой тотальной государственности, которая лишила его не только гражданской, но и нравственной свободы. Если демократия означает, что политическое и социальное следует рассматривать как часть всеобщей проблемы гуманизма, что следует охранять нравственную свободу, защищая свободу гражданскую, то противоположностью, в которую, по законам диалектики, переходит антидемократическое высокомерие духа, является та теория и та глубоко бесчеловечная практика, которая абсолютизирует один из элементов проблемы гуманизма — политику, видит в политике всеобъемлющую тотальность, не желает ничего знать, кроме идеи государства и власти, приносит в жертву этой идее человека и все человеческое и уничтожает всякую свободу. Этот процесс с неумолимой закономерностью ведет к трагическим последствиям».

Я намеренно не прерывал тяжеловесную поступь мысли немецкого гиганта, потому что она касается именно нашей темы и раскрывает ее суть, которая заключа-

ется в следующем: при отсутствии демократии культура неизбежно становится жертвой тотальной государственности, а сервиллизм — способом ее выживания.

Стоит ли говорить о том, что и в Казахстане, и в России мы видим подтверждение непреложной верности этого вывода.

Для того чтобы разобраться, что со всеми нами происходит, надо понять наше отношение к окружающему миру, к культуре, к оппонентам, к себе, восходящее к феномену советского человека, который сидит во всех нас и будет заметно влиять на ментальность еще нескольких поколений постсоветских людей.

Средний советский человек был неплохо образован, начитан, мог писать интересные статьи, книги и читать умные и содержательные лекции, но все это «в монологе». Он не был приучен к диалогу, полилогу, к разговору или тем более к спору, дискуссии с людьми иного мировоззрения, иной культуры — он тут же терялся и, как правило, переходил на крик.

Советский человек был выращен в идеологически стерильной (насколько это возможно) атмосфере и не имел иммунитета против чуждых влияний.

После падения «железного занавеса» и краха коммунистической идеологии в вакуум, образовавшийся на постсоветском пространстве, хлынули новые веяния и абсолютно иные ценности, среди них деморализующие и разрушительные идеи. Неподготовленные люди потеряли ориентиры, и небольшая группа искусных манипуляторов могла с ними делать все что угодно.

Герман Гессе в «Степном волке» писал: «У каждой эпохи, у каждой культуры, у каждой совокупности обычаев и традиций есть свой уклад, своя подобающая ей суровость и мягкость, своя красота и своя жестокость. Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится только там, где пересекаются две эпохи, две культуры, две религии».

А на постсоветском пространстве жестко столкнулись несколько эпох, несколько культур, несколько религий.

Ко всем этим сложностям добавилось и то, что теперь культуру теснят с двух сторон: политика и массовая культура. В результате кругом культурные руины.

В начале «литературоцентричной эпохи» Андрей Русаков ставит Пушкина, а в конце, представьте, — Высоцкого: «...в русской культуре есть Высоцкий — и значит наше положение далеко не безнадежно». Ироничные умы могут истолковать такую линию как нисходящую и про нашего кумира Высоцкого скажут: «Вот до чего (кого) докатилась великая русская литература!»

Я бы обозначил пределы «литературоцентричной эпохи» фигурами Пушкина и Шолохова. Призову в арбитры Габриэля Гарсиа Маркеса, который писал: «...у вас (у русских) есть прекрасные писатели: Толстой, Достоевский, из современных — Шолохов и Булгаков. Все так называемые "грехи" великого русского писателя Шолохова — явления времени, присущие многим европейским мыслителям, а ее недостижимый пик — Лев Толстой».

И еще несколько реплик.

1. Высокая культура не подавляет другие «организмы мышления, самосознания и взаимопонимания людей», а развивает их.

2. Мысль Русакова, что повальная и психологически-принудительная русификация в национальных республиках стала предпосылкой русской национальной катастрофы, верна. Хочу ее развить применительно к новым реалиям.

Русские привыкли жить в одной стране и расценили как трагедию то, что после развала СССР их народ разделился и оказался в разных государствах — бывших союзных республиках. (Эмиграция после гражданской войны была идеологической и дисперсной и не воспринималась так болезненно.) И теперь в России говорят о жизни русских в постсоветских государствах только в негативном ключе: русских затирают,

русский язык преследуют, русскую историю искажают... Никогда не услышишь ничего позитивного.

Эта медвежья услуга приводит к тому, что местные национал-патриоты начинают твердить: русские в их стране — это потенциальная «пятая колонна». А если кто-то из русских заикнется, что нашел там вторую родину и чувствует себя благополучно, в России это рассматривается как национальное предательство. России пора смириться с тем, что случилось, и менять свое отношение к этому вопросу.

Любой великий народ имеет свои диаспоры — китайцы, англичане, испанцы, французы, немцы, индусы... И их метрополии никогда не вмешиваются в дела других государств по поводу своих этнических сородичей. А эти диаспоры, впитывая новую культуру, обогащают материнскую.

Этим я и ограничусь, добавлю лишь следующее. Рассуждения Андрея Русакова интимно-национальные, они пронизаны болью за свой народ, его культуру, его будущее, они покоряют своей отчаянной откровенностью и очень близки мне.

Чем больше будет таких мыслителей, как Андрей Русаков, тем больше надежд, что русская культура воспрянет, а глядя на нее, встрепенутся и другие.

Мои фрагментарные соображения по некоторым вопросам, поставленным Русаковым, не претендуют на основательность и убедительность — это дружеский взгляд такого же «растерянного интеллигента» со стороны на онтологические проблемы российского общества. Читателям, знакомым с тем, что я пишу о казахских национальных проблемах, это должно быть очевидно. Поэтому «спор», который я затеял с Андреем Русаковым, это по существу мой спор с самим собой.

И, видимо, конца ему не будет.

II. Культура на обочине, или Дебилизация нации

Теперь о том, что случилось с Казахстаном, после того как пятнадцать союзных республик разбрелись по своим национальным квартирам.

Сетования Андрея Русакова покажутся весенним дождиком по сравнению с грозным ливнем.

Казахстанские проблемы отличаются от российских своей «готической» спецификой и требуют прямолинейной подачи, без особых метафизических изысков, но тональность у нас с Русаковым, думаю, будет одна.

Как варварски прикончили науку

Вот уже почти четверть века Казахстан живет в суверенном режиме, и что же он обрел за это время? Пожалуй, больше проблем, чем достижений. И ответственность за все это прежде всего на самих казахам.

Над нами нависает много угроз — общее усиление напряженности в мире, терроризм, коррупция, преступность, непрофессионализм и бездарность чиновников, кризис, нищета большей части населения, но наиболее опасной, злой и коварной, с долговременными и тяжелыми историческими последствиями является неуклонная дебилизация населения. Лев Толстой говорил: «Много худого на свете, а нет хуже худого разума. Первое худо — худой разум».

Главное достояние любой страны — не природные ресурсы, не мощная промышленность и даже не финансовое благополучие, они — средства, а их целью являются знания, интеллект, дух и здоровье нации. Кстати, если вторые ослабеют, то и первые тут же пошатнутся. И наоборот. С получением независимости наши власти об этом много и высокопарно говорят, но на деле все обстоит по-другому.

Важнейший объективный показатель состояния интеллекта в стране — это наука, а она погублена прямыми действиями властей.

Вместо совершенствования и усиления Академии — символа науки, созданной огромными усилиями Каныша Сатпаева, ее разрушили до основания. Это можно сравнить с удалением переднего отдела человеческого мозга. Человек, в частности, чиновник, без него может есть, пить и веселиться (до тех пор, пока не закончатся природные ресурсы), но мыслить, творить и разумно управлять чем-либо он не может.

Естественно, это касается и всего общества. Для того чтобы окончательно добить науку, высокие звания ее творцов-ученых превратили в посмешище, причем весьма примитивным образом. Ответственнейшее дело научной аттестации, нуждающееся в строжайшем отборе, довели до абсурда, сейчас любой проходимец может стать доктором в любой сфере, лишь заплати требуемую сумму, а кучу званий академиков самых причудливых и экзотических академий можно вообще получить по бросовой цене. В этом мутном море расплодившихся лжедокторов и лжеакадемиков настоящие ученые просто затерялись. А шаманы от науки очень претенциозны и агрессивны, они безжалостно преследуют и затирают настоящих ученых.

Страну наводнили иностранные специалисты и «ученые» — интеллектуальные ландскнехты далеко не высшей пробы, зачастую уступающие нашим, которые к тому же плохо знают местные условия. Но они получают зарплату в 7—8 раз больше, чем казахстанцы, и поэтому смотрят на них свысока.

Долгое время толпы подозрительных зарубежных советников и политтехнологов сновали по коридорам власти и интересовались тем, как у нас принимаются государственные решения, как функционирует экономика, давали какие-то советы (судя по результатам, далеко не самые мудрые) и интересовались, где что есть и как это можно прихватить. (Нет худа без добра: с приходом кризиса, похоже, их немалые заработки были урезаны и количество «интеллектуальных» спецов резко сократилось.)

Самое опасное при таком подходе — это то, что мы сами вручаем свое государственное сознание, политические замыслы и производственные тайны в чужие руки. А это уже выдача важнейших государственных секретов и планов (вычислить которые при наличии исходных данных очень несложно), и как это называется, знает каждый. Нам необходимо в столь ответственном деле опираться на своих ученых, политологов, экспертов и специалистов. Таковые пока в стране есть, только надо уметь их ценить и создать им условия не хуже, чем чужакам. Надо понимать, что политическая деколонизация должна начинаться с деколонизации сознания и мысли.

Пожирающий пламень революций в образовании

Что делается в сфере образования, уму непостижимо. В любой просвещенной стране образование и воспитание — наиболее лелеемые системы, и малейшие изменения в них очень долго и тщательно продумываются.

У нас министры образования меняются через год-полтора, и каждый из них совершает свою «революцию», пытаясь отменить предшествующую систему, а затем внедрить свою. Однако никто из них до «строительства» не досидел в своем кресле. Но все они вместе крепко успели поучаствовать в основательном разрушении.

Между тем советская система образования, доставшаяся нам по наследству, была вовсе не так уж плоха, и это хорошо поняли на Западе, особенно в США. Общеизвестно: когда в октябре 1957 года Советский Союз запустил первый в мире спутник Земли, а в апреле 1961 года Юрий Гагарин стал первым космонавтом, американцы были в шоке, решили, что все дело в советской системе образования, бросились ее изучать и немало переняли. А после развала второй супердержавы представители первой, куда перебралось много советских специалистов, получили практическую возможность сравнить уровень знаний двух школ и пришли к мнению,

что если сами они сильны в узких отраслях, то советские — в широких, то есть в междисциплинарных, что очень ценно.

Прежде чем казахским разрушителям приниматься за свое ужасное дело, надо было разобраться и понять, откуда прорастают корни нашего образования. Каждая современная система образования плоть от плоти науки, культуры и истории своих стран, и даже у большевиков, которые камня на камне не оставили во многих сферах от имперского наследия России, хватило ума не обрывать преемственность науки и образования.

А исторически российские системы науки и образования базировались на немецких, кстати, позволивших Германии не только догнать ушедшие далеко вперед в свое время Францию и Великобританию, но и перегнать их.

Советские чиновники сферы образования сохранили в основном эту систему, только добавили к ней немного от скандинавской и американской моделей, ну а в гуманитарные предметы, разумеется, — изрядную долю коммунистической идеологии, в классической своей основе тоже западной.

По-существу это была западная модель образования, разумеется, пронизанная российским духом, и она, несмотря на тоталитарные тиски, в общем-то успешно работала.

Наши же горе-«реформаторы» не понимали, что с корнем вырывают цветущее западное дерево, адаптированное к нашим условиям, и вместо него втыкают в землю несколько самых разных кустиков, грубо вырванных из современной европейской почвы без корней и к тому же непривычных к совершенно другому, нашему, климату. Естественно, они не могли прижиться.

Нам не надо было радикально менять сложившуюся успешную систему, а следовало убрать из нее тенденциозные идеологические напластования (в основном, из гуманитарных дисциплин) и осторожно привнести кое-какие добавления от современных финской (кстати, наследницы российской и ученицы советской систем), японской и сингапурской образовательных систем и национальный колорит (главным образом — в историю, литературу и географию).

Наша нынешняя разрушенная, неразумно усложненная и запутанная система образования стиснута к тому же множеством запретов, ее душит засилье бумаготворчества и бюрократической цензуры. Учителям, преподавателям и профессорам некогда заниматься учащимися и студентами, они почти все свое время тратят на составление бесчисленного количества бумаг, которые никому не нужны и тщательно рассматриваются в поисках ошибок только тогда, когда кого-то надо освободить от должности.

В образовании нельзя забывать притчу о лошади, которую можно привести к источнику, но нельзя заставить ее пить. О потрясающе низком уровне многих наших так называемых учебников и методических пособий много говорится, заставить школьников и студентов пить из таких источников весьма трудно, да и не полезно.

Все лучшие вузы во все времена обладали академическими свободами и были очагами вольнодумия. Они всегда находились в определенной оппозиции к действующим властям. И это нормально. Образованные и пытливые молодые люди в силу новизны и свежести взгляда тоньше видят недостатки существующего порядка. Проходит время, они взрослеют, от многих радикальных идей отказываются, но вносят в существующую систему рациональные и взвешенные изменения, а их дети в это время бунтуют против их установок, обвиняя в консерватизме, и, глядя на них, родители вспоминают свой юношеский максимализм и относятся к ним с пониманием. Американские, французские и многие другие европейские бунтари 60-х годов прошлого века спокойно вписались в существующие государственные структуры, но при этом модернизировали их. Так идет вечное обновление общества и жизни.

Казахская мудрость гласит: «Затравленный щенок не может стать волкодавом».

Каждый человек с опытом может вспомнить множество примеров, подтверждающих это, я приведу два. Отто фон Бисмарк был одним из самых отчаянных бунтарей в своей студенческой юности и доставлял много проблем прусской полиции, но именно он объединил сотни мелких немецких княжеств и создал Великую Германскую империю.

В нашей отечественной истории тархан¹ Жанибек Кошкарулы был в юности непослушным и отчаянным забиякой, но повзрослев, стал крупным полководцем и выдающимся дипломатом, сыгравшим огромную роль в освобождении Степи от врагов.

Поэтому свою молодежь мы должны воспитывать в вольном и свободном духе, с пониманием относиться к их бунтарству, осторожно и умело вводя ее в цивилизованные рамки без разнузданности и нигилизма. Иначе мы получим закомплексованных и инфантильных людей, боящихся собственной тени и не способных принимать самостоятельные решения.

О последствиях бесконечных «революций» и самодурства чиновников в образовании можно судить по их плодам. У многих молодых людей, окончивших наши школы, непрочные знания быстро выветриваются, и уже к 30 годам они не имеют представления о литературе, не помнят элементарных физических законов, не могут совершать простейшие арифметические действия в уме, их представления о географии находятся на уровне XIV века, а исторические знания состоят в основном из мифов. Не лучше обстоит дело с выпускниками вузов, большинство из них имеет слабое представление о своей профессии.

Телеящик Пандоры

В древней иранской мифологии говорится о магическом хрустальном шаре, который показывал события, происходившие где-то очень далеко. Когда появилось телевидение, люди радовались тому, что легенда превратилась в явь, и им казалось, что оно значительно расширит горизонты культуры. Но, увы, телевидение, в частности наше республиканское, стало главным орудием формирования дебилов. На всех его каналах беспрестанно визжат, вопят и пляшут, устраивают низкопробные шоу, гонят «мыльные оперы» в сотни серий, не от мелодраматических коллизий, а от уровня которых хочется горько плакать, а в промежутках между ними вещают шаманы и гадалки. Почти нет образовательных, политических, экономических, культурных и научно-популярных программ. По сравнению с нашими вульгарными и развязными телешоуменами Эллочка Людоедка — сногшибательная интеллектуалка.

И здесь имеет место пагубная практика. Российские теледеятели все худшее перенимают на Западе, а мы — у России, естественно, на порядок гаже. Неужели у наших теледеятелей не хватает своих мозгов даже на подобную низкопробную продукцию? Главной «интеллектуальной» пищей сейчас стали телесплетни, в основном вокруг многочисленных мнимых «звезд». На «капустниках», посиделках и встречах российской «богемы» по телевидению слышится постоянный смех, и невольно задаешься вопросом: над чем же они смеются? Наверное, над убожеством собственных шуток. А для нашей «богемы» — это нечто запредельно шикарное, она пытается все это повторить, но получается убожество вдвойне.

В мире были и есть великие артисты, они очень редки, особенно сейчас, и я преклоняюсь перед ними. Но в целом артисты во все времена и во всех странах не относились к самому высокому культурному сословию в обществе.

Только в XX веке с развитием средств массовой информации и индустрии развлечений, в особенности кино и телевидения, они стали превращаться в идолов. Над их потребительским образом стали работать специалисты, их научили держаться

---

¹ Тархан — привилегированное сословие тюркской знати (*Прим. ред.*).

на публике и ловко вставлять в свою речь заранее заготовленные реплики, но от этого их общий интеллектуальный уровень не вырос (я не имею в виду таких актеров, как Алла Демидова, они — редкое исключение). Тем не менее именно из них делают кумиров.

Артисты, конечно, нужны, но не в таком количестве и не такого профессионального качества. Сколько же у нас молодых людей хочет быть артистами! Но простите, кто их всех будет кормить, когда закончатся природные ресурсы? Обществу прежде всего нужны ученые, инженеры, аграрии, экономисты, бизнесмены, журналисты, юристы... и деятели культуры, культуры высокой, несущей духовность.

Именно умелой пропаганде этих и других важных профессий, а также демонстрации опыта успешных реформ в других странах надо уделять больше внимания.

Еще два бича нашего телевидения — это реклама и ужасы. Некоторые страны сейчас изгоняют рекламу с телевидения или выделяют ей отдельное время, а многие подумывают это сделать. Пора бы и нам задуматься.

Наши новости — это в основном репортажи о катастрофах, войнах, убийствах во всех концах света. Вся эта информация еще более подавляет и без того озабоченных собственными тяжелыми проблемами наших сограждан. Что нам дает вся эта муть? Неужели, если мы не узнаем, что где-то за тридевять земель какой-то маньяк убил десять человек, мы не сможем жить? Вы скажете: так формируются теленовости во всех странах. Но если все сошли с ума, нам что, обязательно присоединяться к ним? Телевидению следует уделять больше внимания не ужасикам, а культурным и духовным достижениям других стран и пропаганде своей культуры, обогащающей нас.

Это не значит, что мы, подобно страусу, должны зарыть голову в песок, не желая видеть проблем этого мира. Нет, о них надо рассказывать, если они касаются нашей страны и наших граждан, а обо всех остальных событиях надо сообщать (для наших фобиоманов) в особых программах и в аналитическом стиле.

Наше телевидение извращает вкусы телезрителей, приучая их к пошлым шуткам и банальностям, произносимым с важным видом, отучая их от серьезных и глубоких тем, и менять эту ситуацию будет нелегко. Многие казахстанцы поначалу не смогут понять и принять передачи, требующие напряжения и сосредоточенности ума, но у нас нет иного выхода, надо настойчиво и терпеливо вести свою линию, если мы хотим иметь образованный и культурный народ, а не бездумную толпу.

Напомню два примера из Платона о мере истинной и высокой духовности и культуры.

Первый. Платон говорил, что чем меньше человек знает, тем больше он изображает из себя всезнайку, чем больше он знает, тем яснее представляет себе, как мало он знает. И Платон иллюстрировал это рисунком. Наши знания представляют собой внутреннюю площадь малого круга, а все что за его пределами — это наше незнание. Чем меньше круг, тем меньше объем знаний. Когда у человека нулевые знания, он уверен, что нет ничего в этом мире, чего бы он не знал, а когда человек обладает огромными знаниями, он понимает, как мало ему ведомо из бесконечного космоса знаний.

Вспомним и слова Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю!»

Второй. Платон считал: чем содержательнее и интереснее представление в театре, тем благоговейнее оно должно восприниматься и тем большая тишина должна царить среди зрителей. Иначе глубокое переживание и очищение души искусством, позже названное его учеником Аристотелем катарсисом, невозможно. Поэтому он был против аплодисментов, считая их признаком вульгарности. Сейчас восторги выражаются не только аплодисментами, но и визгами, воплями, мяуканием и топотом ног. Увы, каковы времена, таковы и нравы.

Отцы и дети, деды и внуки

Вечная проблема отцов и детей обсуждается с шумерских времен, и, как правило, молодежь изображается не достойной свершений старших поколений. Но каковы сейчас отцы и деды?

Золотой телец, причем не заработанный, а украденный стал их кумиром, он разлагает, подрывает родственные, дружеские и общественные связи.

Лао-цзы говорил: если во дворцах постоянно веселятся и празднуют, значит, народ бедствует. И это воистину касается нас: в стране царит немыслимый пир во время великой чумы. Государство задыхается от громадного множества проблем: мы почти ничего не производим, мы попали в долговую кабалу к другим странам, экология в ужасном состоянии, аул умирает, старики брошены, молодежь забыта, культура гибнет и т.д. и т.п., а верхушка все поет и пляшет, проводит бесчисленные тои, фестивали, конкурсы, конференции, симпозиумы на самую широкую ногу в... рваных штиблетах.

Создается впечатление, что власть имущие в этом угаре полностью потеряли чувство реальности. Народ нищенствует, а они берутся за множество помпезных государственных проектов, в реализации которых львиная доля выделенных средств отдается иностранным специалистам. Тем самым ущемляются свои, и им прививается комплекс неполноценности. А между тем у нас много способных людей, которые могли бы ту же работу сделать не хуже, если не лучше.

Не будет большим преувеличением сказать, что западные и подражающие им восточные модернисты и постмодернисты в значительной мере выложились в своих экспериментах, и ожидать от них нового не приходится. И здесь оригинальные национальные идеи наших специалистов могли бы сказать свое слово в градостроительстве, архитектуре, дизайне, живописи, музыке... в мировом искусстве в целом. Но для этого надо дать им простор для творчества, постепенно приучать их смело воплощать свои идеи.

Одной из изощренных форм колониального закабаления была циничная кадровая политика, когда метрополия на подконтрольных территориях не подпускала к реальной власти, к фундаментальной науке, к управлению крупной промышленностью талантливых представителей коренной национальности, и даже к культурной деятельности их привлекали с осторожностью, подозревая в национальном уклонизме, а вместо них выдвигали усердных бездарей.

Казалось бы, с получением независимости от этой практики надо было уйти, но, увы, она сохранилась и продолжает по инерции свое разлагающее действие. Правда, вопреки этой тенденции в последнее время выдвинулся ряд способных чиновников высшего ранга, но этот ряд короткий, и, глядя на их подавляющее большинство, диву даешься, как эти серенькие люди, которым нельзя доверить управление даже маленьким аулом, добрались до высоких постов. И такие бездарные высшие чиновники судят о народе по своему уровню, между тем как у нас, при всех его недостатках, талантливый и грамотный народ, которому, к сожалению, не дают раскрыть свой потенциал еще с детства и юности.

Меня нередко приглашают на встречи с разными коллективами, и — особенно если это молодежная аудитория — я никогда не отказываю. И я вижу много чрезвычайно одаренных молодых людей от 16 до 23 лет. (И в других поколениях нашего народа было немало талантливых ребят, но чиновники и обыватели гасили их.) Они очень любознательны, у них горят глаза, они ищут объяснения всему, но, увы, учителя и родители в огромном большинстве своем не могут им доступно объяснить (боясь обвинений в оппозиционности при откровенном изложении фактов), что реально происходит в стране, регионе и мире.

Эти ребята самостоятельны и умны, трудолюбивы и настойчивы, многие из них сами поступают в лучшие вузы дома и за границей и, где бы ни находились, поддерживают связи друг с другом и живо интересуются событиями в своей стране. Но если их не поддержать, они увянут, как и предыдущие поколения.

В основном это дети городских интеллигентов. Увы, аул, который до того оправдывал слова Бальзака «таланты рождаются в провинции и умирают в столице», ныне редко выдвигает способных молодых людей. И это не вина заброшенного аула, а его беда, в которой виноваты власти.

Как мы потеряли аксакалов

Мы говорили о воспитании молодежи, но, как выясняется, необходимо заняться и просвещением аксакалов, которые должны быть достойны своего традиционного статуса. Это не шутка.

Года два назад в одной газете вышла статья «Стариков много, а аксакалов нет», то есть нет достойных, мудрых и уважаемых всем народом старцев — выразителей его духовных чаяний. Автор приводил много примеров суетливого, недостойного и угоднического поведения стариков перед чиновниками и верно ставил актуальный вопрос. Но ответа не предложил. Причин, почему у нас сейчас почти нет достойных аксакалов, много. Тоталитарный строй, вытравление национального самосознания, уничтожение культурной элиты — это в прошлом. А в настоящем — то, что хамовитые и аморальные рвачи захватили почти все национальное достояние, а совестливые, образованные и высококультурные люди оказались в униженном положении.

Но кроме политических и социальных причин исчезновения традиционного института аксакалов есть и поколенческие, связанные с новой эпохой, иной культурой мышления и воспитания.

В былые времена повсеместно носители народной мудрости обладали сакральным знанием, они являлись хранителями обычаев, просвещали людей, глубоко разбирались в том, как функционирует общество, и принимали прямое участие во всех его делах, пользуясь непререкаемым авторитетом. Однако такие мудрецы той поры, как Хаммурапи, Соломон, Сократ, Конфуций, Ашока, Марк Аврелий, и наши — Коркыт, аль-Фараби, Асан Кайгы, Бухар жырау — уже не могут играть былой роли в обществе, так как все сильно изменилось: время, люди, духовные и культурные ценности, материальные запросы, образ жизни и представления о мире, а самое главное — появились вездесущие СМИ.

В Новое время на место мудрецов-пастырей пришли властители дум с несколько иным механизмом воздействия на общество: они должны были обладать харизмой, иметь широкие знания, разбираться во всех сложностях современной жизни, уметь их лаконично и ясно разъяснять, быть социальными психологами и публичными людьми и умело пользоваться СМИ. И что особенно важно: они обязаны были знать коренные интересы народа и постоянно и твердо их отстаивать.

Увы, в наше оскудевшее время в мире нет таких властителей дум, как Вольтер, Гёте, Лев Толстой, Бернард Шоу, Тагор, а в рамках нашей страны — Абай. И на безрыбье появляются раки с претензиями китов.

В одночасье стариков не переделаешь в аксакалов, для этого требуется индивидуальная работа над собой продолжительностью в человеческую жизнь и постоянная потребность общества.

Интеллект — главный ресурс страны

«Если бог хочет погубить, он лишает разума», — говорили древние мудрецы. Но бог никогда не наказывает целый народ. Поэтому вдумчивых людей не покидает

ощущение, что кто-то настолько ловко манипулирует нашими властью имущими, что достигает двойного результата: лишая их разума, заставляет целенаправленно вытравливать разум из своего народа. Невольно задумываешься: а может, то, о чем упорно твердят конспирологи, не такой уж бред?

Население Земли стремительно растет, на ней становится тесно, страны с богатыми природными ресурсами и большими территориями — предмет завистливых взоров великих держав. Прямой захват чужих стран сейчас уже редко практикуется, но завоевывать их экономически и культурно считается допустимым. А что для этого требуется? Добиться того, чтобы в них дебильное правительство управляло дебильным населением, и тогда с этой страной и ее богатствами можно делать что угодно.

Однако не следует впадать в истерику и портить отношения с мировыми гигантами, обвиняя их в заговорах, надо прежде всего навести порядок в собственной «правительственной голове», а уж затем и в стране. И если мы станем умно, твердо и последовательно отстаивать свои национальные интересы, все будут с нами считаться.

Помехой на пути к этому являются отечественные последователи маркизы де Помпадур, заявлявшей: «После нас хоть потоп!» Таким наплевать на народ, главное — обеспечить своих детей и внуков на сто поколений вперед. Но несправедливо нажитые деньги несут на себе клеймо проклятия и развращают, и этой участи не избежать даже их правнукам...

Демосфен двадцать четыре века назад заметил: нельзя, занимаясь мелкими и ничтожными делами, приобрести великий и юношески смелый образ мыслей, равно как наоборот, занимаясь блестящими и прекрасными делами, нельзя иметь ничтожный и низменный образ мыслей.

Наше правительство абсолютно не уделяет внимания острейшим проблемам страны, оно только и занято постоянным переформированием министерств и пересадкой чиновников из одного кресла в другое с такой скоростью, что им не успевают менять таблички.

Ошалевшие высшие чиновники всячески изображают бурную деятельность, но ее результаты говорят сами за себя. Приведу один из последних примеров.

Правительство решило перенять опыт Ли Куан Ю. Этот покойный сингапурский патриарх, будучи премьер-министром, составил для своей администрации список примерно из двух тысяч талантливых и способных сингапурцев, работающих в разных отраслях, и лично следил за карьерным ростом лучших из лучших, так называемых «золотой и серебряной сотен». И если у кого-нибудь из них происходил сбой, он тут же выяснял причину. В случае намеренного выживания таланта его начальником Ли Куан Ю строго наказывал этого чиновника, так как считал его вредителем государства. Такая справедливая кадровая политика является одним из эффективнейших методов борьбы с бездарями и коррупционерами. Вот и наше правительство задумало провести масштабную операцию по уничтожению их огромной армии в своем составе и в низовых звеньях.

Отборные части гвардейского корпуса «А» бросаются в лобовую атаку, корпус «Б» заходит с флангов, а партизанский корпус «В» атакует с тыла. Вся правительственная и официозная пресса ярко и подробно сообщала о перипетиях этой грандиозной битвы. Но вот шум утих, пыль улеглась, дым рассеялся, и разведка донесла, что все эти отважные корпуса... перешли на сторону врага и число бездарей и коррупционеров в среде чиновников удвоилось. Читатели, конечно, догадались, что корпуса «А» и «Б» — это подобие сингапурских «золотой и серебряной сотен», а о том, насколько разные результаты они принесли здесь и там, можно судить по благосостоянию народов Казахстана и Сингапура.

Так же «успешно» идет борьба по сокращению тьмы чиновников, она напоминает битву с мифической гидрой: ей отрубают одну голову, вместо нее вырастают две.

Бесчисленным чиновникам все время повышают и без того немалую зарплату

(при том, что уровень жизни народа все стремительнее падает), и это делается для того, чтобы они меньше воровали. Но коррупция, наоборот, постоянно растет. В таких условиях надо бы вообще перестать платить зарплату чиновникам, а за занимаемые ими должности даже брать официальную плату — в зависимости от доходности места. Уверяю вас, тогда коррупция стала бы контролируемой, так как чиновники строго следили бы друг за другом, и государственный бюджет быстро бы вырос.

Говорить о демократии сейчас бесполезно, но можно же помнить об элементарной истине, что не народ существует для правительства, а правительство — для народа. И самым объективным критерием эффективности правительства является благосостояние народа. У нас же положение дел год от года хуже, и это наглядно отражается на состоянии населения.

Как известно, «в здоровом теле — здоровый дух», поэтому важнейшим фактором для страны является хорошее состояние здоровья населения, которое формируется прежде всего образом жизни, качеством питания и распространением физической культуры.

Увы, казахстанцы едят в большинстве своем завозные продукты очень плохого качества, а заниматься физической культурой им почти негде. Последствия налицо: 80% молодежи не годится к военному призыву, у них неустойчивая психика (мы занимаем одно из первых мест в мире по суициду), и они не могут даже один раз подтянуться на турнике. Что говорить о взрослом населении, оно почти поголовно больно.

Катастрофическая ситуация с экологией — отдельная и большая тема.

Жестокая реальность нашего времени в том, что наш народ и наша страна тяжело больны целым набором тяжелых и запущенных болезней. И во всем виноваты мы сами. Это народ должен понять, пока не поздно. Лекарством от всех этих болезней являются культура и высокий интеллект нации, и их мы еще можем сохранить и укрепить. Но для этого народ должен заставить правительство сделать решение этой задачи главной своей целью.

Напомню старую, как мир, истину — только знание сделает нас сильными, независимыми и свободными.

А злой дух делячества и грабежа, который овладел и нашими нуворишами, разрушает все — людей, общества и даже великие империи. Гилберт Честертон описал, почему погибла известная супердержава древности: «Карфаген пал потому, что дельцы до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу и потому в конце концов перестают верить в разум».

Сохраним же свой разум, чтобы сохранить свою страну, свой народ, свою культуру и себя.

III. Поиски утерянного здравого смысла

Андрей Русаков поднял важнейшие и сложнейшие вопросы, связанные с культурой, которые касаются не только России, но и всего постсоветского пространства.

Я по-своему пытался принять участие в его размышлениях. Но в воздухе всегда висит один и тот же русский вопрос: «Что делать, друзья?!»

Мне, скромному кочевнику-казаху, трудно предложить нечто такое, что было бы новым для наших друзей — россиян. (О том, что нужно казахстанцам, я постоянно говорю у себя на родине.) Но рискуя повториться, хочу сделать два предложения.

Первое. Провести анализ успешного выхода стран из послевоенной разрухи — Германии, Японии, Франции, Италии и прежде всего самой России; из постколониальной анархии — Сингапура, Южной Кореи и Малайзии; и эволюционный переход от плана к рынку — Китая (это только на первый взгляд запоздалая тема).

Здесь речь идет в основном о политике и экономике, но без них культура ничего не сможет сделать.

У России достаточно глубоких научных умов и опытных экспертов, способных на основании такого анализа и с учетом местных условий разработать комплекс эффективных экономических и политических программ. А как только Россия возьмет верный курс, Казахстан и другие последуют за ней.

Второе. Обществу следует отвоевать телевидение и печать, убрать оттуда насилие, тупость, содомию, рекламу и ввести образование, науку, высокое искусство и гуманизм. СМИ обязаны воспитывать людей образованных, с широким кругозором, способных понимать разные мировоззрения и смотреть на себя глазами других.

Разговоры о том, что телевидение и печать не влияют на воспитание и стиль поведения людей, — коварное лукавство.

Этот план выглядит чересчур уж простым, но если вспомнить о реформах в странах, успешно вышедших из разрухи и хаоса, они работают. И как тут не вспомнить слова Лао-цзы, сказанные двадцать семь веков назад: «То, что я говорю, настолько просто и так легко сделать, но никто этого не понимает и не может сделать». Поэтому повторение вечных и здравых истин в новой оболочке — удел интеллигенции.

Род человеческий делится на две категории: подавляющее «мудрое» большинство, которое считает людей иррациональными, неразумными, эгоистичными и жалкими поклонниками «золотого тельца», что в конце концов приведет их к апокалипсису; и наивное меньшинство, верующее в культуру, в разум человека, в его способность извлекать уроки из жизненного опыта и в возможность рационального обустройства жизни не только в отдельной стране, но и в мире.

До сих пор «мудрецы» оказывались правы, а «простачки» ошибались: даже разумные люди в интересах своих стран боролись друг с другом и старались обмануть партнеров, а всякая мразь повсеместно объединялась. В итоге разум подавлял разум, культура деградировала, а зло множилось.

В век глобальных кризисов это становится особенно опасным, так как угрожает основам существования всего человечества.

От имени «простачков» предлагаю вспомнить древнюю и наивную арийскую притчу о птице Симург — священной птице, принесшей с неба на землю побег древа жизни.

Давным-давно существовала птичья страна, и однажды в ней началась великая смута. Правители перестали заботиться о подданных, подданные перестали чтить законы, птицы забыли о морали, младшие перестали уважать старших, старшие не заботились о младших.

И тогда на птичьем курултае старая сова сказала: «Слышала я в детстве, что где-то далеко-далеко, за семью морями и семью горами, живет мудрая и вещая птица Симург, надо лететь к ней за советом».

Все птицы единогласно поддержали это предложение. Часть птиц оставили для присмотра за старыми и больными, а остальные дружно полетели в указанном совой направлении. Летели долго, но никто из тех, кто встречался в пути, не слышал ни о какой птице Симург, тогда их ряды стали редеть: вначале отстали слабые телом, а затем — слабые духом. Уже пролетели через семь морей и семь гор. Тогда объявились неверующие: мол, все это сказки, никакой такой птицы нет, — и повернули назад.

Осталось только 30 птиц, которые упорно летели вперед, несмотря ни на что. Их непреклонная воля и бесконечная вера в свою цель настолько сплотили их, что они почувствовали себя единым целым и в какой-то момент поняли, что они вместе и есть птица Симург. Свою цель они нашли в своем единстве, после чего вернулись домой и навели там порядок.

Смысл этой притчи в том, что мудрая и вещая птица Симург, сотворив жизнь на земле, поселилась в душах смелых, целеустремленных и высоких духом людей, и она до сих пор жива, надо только беспрестанно и неутомимо искать ее в своих сердцах.

Ни в Казахстане, ни в России, нигде на постсоветском пространстве, ни во всем мире никто не придет со стороны и не решит наши проблемы. Их обязаны решить мы сами — в единстве людей разума, духа и культуры!

О молчании

Три письма на одну тему

Алексей Буров

От самого творения мир зависает над пропастью и тонет в беде. И чтобы не сорвался, не потонул, Создателю приходится мир спасать, быть Спасителем. Зачем же Он устроил себе такие хлопоты? Почему не придал миру достаточной устойчивости, не поставил его целиком на твердую опору?

В мире сугубо устойчивых вещей не может быть того, что называют *усилителями*: устройств, регулярно превращающих малый сигнал на входе в большой на выходе. Устойчивость же означает, что исходно малые сигналы не превращаются в большие, так малыми и остаются. То есть усилитель требует какой-то неустойчивости, он и есть прирученная неустойчивость. Вся наша электроника работает на разнообразных усилителях, без них никакая система управления не была бы возможной. Но ведь и вторжение мысли в физический мир есть тоже своего рода усилитель: ментальное таинственным образом дает изначальное движение ничтожной группе атомов мозга, следствием чего может быть, например, полет космического зонда по сверхточной траектории за пределы Солнечной системы. Или построение сверхмощного микроскопа, усматривающего неизвестный дотоле закон природы на невообразимо малых размерах — на 19 порядков меньших нашего тела. И это возможно лишь потому, что в мире возможны громадные усилители, то есть потому, что мир Богом оставлен в точке неопределенности. Но ведь это значит, что мир поставлен в постоянную опасность, в балансирование над гибельной пропастью. Как ни странно звучит, но дети Бога могли появиться и расти лишь в силу того, что указанная опасность в достаточной мере имеется.

Но почему мы выжили? Почему нас не погубили усиленные шумы этого неустойчивого мира? Почему, наконец, мы сами себя не погубили до сих пор? У меня есть только один ответ: давший нам жизнь не допустил этого. Он нас спасает от огромного количества опасностей, по преимуществу нам неведомых. Спасает, находя для этого удивительные решения. Например, воплотившись однажды в обыкновенного, казалось бы, младенца, сына провинциального плотника...

Буров Алексей Владимирович — кандидат физико-математических наук, философ, научный сотрудник Национальной ускорительной лаборатории им. Ферми, США.

Прашкевич Геннадий Мартович — прозаик, работающий главным образом в жанре научной фантастики.

Публикации в «Дружбе народов» в соавторстве: эссе «О красоте» (2016, № 1).

Геннадий Прашкевич

Ранним сентябрьским утром 2005 года меня разбудил телефонный звонок.

Было действительно очень рано, может, часа четыре утра, такие звонки всегда вызывают тревогу, но, подняв трубку, я несколько успокоился. Звонил из Магадана мой давний и близкий друг — писатель Александр Бирюков, человек, сделавший для меня чрезвычайно много, практически удержавший меня в литературе, когда в далеком 1968 году в Южно-Сахалинске цензура запретила выход моей первой книги. Набор книги был рассыпан, я попал в так называемый черный список Госкомитета РСФСР по печати, а значит, надолго мог забыть о каких-либо публикациях. Именно Бирюков помог мне тогда выстоять, а через несколько лет именно он издал мою книгу прозы, тоже в Магадане, что исторически было справедливо. Прошли времена, когда авторов отправляли в Магадан, теперь в Магадан отправлялись рукописи.

Письма и звонки Саши Бирюкова определяли для меня многое.

Я обсуждал с Бирюковым все, что нуждается в обсуждении, жаловался на все, на что хотелось жаловаться. Он, в свою очередь, жаловался на упорство колымских властей, активно мешавших ему работать с делами советских граждан, репрессированных в тридцатые годы. «Это всем давно надоело!» Районная администрация Сусуманского района, например, попросту отмахнулась от мрачной находки при проведении вскрышных работ на одном из полигонов прииска «Мальдяк». Там из-под ножа работающего бульдозера вдруг выкатилась груда смерзшихся тел. Более того, в головах этих несчастных можно было рассмотреть отверстия, похожие на пулевые. Но местная администрация, не дождавшись специалистов, распорядилась срочно поместить найденные трупы в деревянные ящики и зарыть на местном кладбище. «Господи, Саша, — сказал я Бирюкову, — если никто не хочет знать правды, значит, и ты ничего не добьешься, по крайней мере, пока нынешнее начальство находится у власти». — «Если и так, — ответил Саша, — опускать руки нельзя. Ведь все эти трупы были когда-то живыми людьми. И все эти люди были убиты». Забегая вперед, скажу, что Саша своего добился. Он вырвал у администрации разрешение на проведение эксгумации, и обнаружилось, что почти на всех трупах имеются следы огнестрельных ранений...

Таким был Саша Бирюков, писатель и журналист Александр Бирюков.

Москвич по рождению, он уехал после учебы в МГУ в Магадан и занялся там своими исследованиями. Выходили его репортажи, выходили книги. «Колымские истории» Александра Бирюкова вообще были признаны одной из лучших книг 2004 года. К сожалению, именно 2004-го, а не 72-го, скажем, или 97-го. «Не из праздного любопытства мои коллеги и я, — писал мне Саша, — глотаем зловредную пыль архивных томов. Не из праздного любопытства расспрашиваем бывших колымских сидельцев. Кто-то должен этим заниматься. Ведь уйдет наше поколение, рожденное в тридцатые-сороковые, и останется прошлое безмолвным, немым, как эти замороженные тела. Открывая в архиве очередное следственное дело, я словно опускаюсь в ледяной колодец прошлого, и сердце мое наполняется состраданием к мученикам, среди которых были, конечно, и герои, и злодеи — были! Но все они, Гена, были, прежде всего, жертвами, и как сейчас отделить одних от других, если граница между страданием и злодейством проходила подчас (или — чаще всего) не между людьми, а в сердцах самих этих людей, через души, мучающиеся и сегодня (все еще!) над тем же, над чем мучаемся и мы. Кого из них я осужу? Кого помилую? — я, взыскующий призрачной истины. Кто дал мне на это право? И разве не искупили они уже своими страданиями, страданиями бессмертной души свой грех? Перед тем всевышним, кого один из нас назовет Богом, другой — Справедливостью?»

Таков был Саша Бирюков.

И ранним сентябрьским утром 2005 года он позвонил мне.

И на мои жалобы (болит голова, одолела усталость и все такое прочее) вдруг сказал странно и просто: а ты заведи собаку. И уточнил: большую, умную, добрую. И еще уточнил: только не самую большую. Ньюфаундленд или сенбернар, конечно, хороши, но все же обременительны. Какого-нибудь спаниеля возьми или эрдельтерьера, ни в коем случае не овчарку немецкую. Овчарки умные, но они злые. А зла вокруг нас и без овчарок хватает. Зачем под собственным боком растить зло?

Потом Саша помолчал и добавил: «Я звоню, чтобы попрощаться с тобой».

Он произнес это все тем же ровным негромким голосом. Он хорошо знал, о чем говорит. Тут особых объяснений не требовалось. «Врачи оставляют мне совсем немного, и я бы хотел тебе сказать...»

К сожалению, связь оборвалась.

Связь с Колымой никогда не отличалась надежностью.

Я знал, что Саша болен, но не думал, что дело обстоит так серьезно.

В бандероли, полученной через несколько дней, среди Сашиных книг я нашел записку. Буквально несколько слов: «Дор. тов. Гена! Как ярмарка? — (книжная московская, я как раз с нее вернулся, — Г.П.) — Как дела изд-ва? — (то есть новосибирского издательства «Свинин и сыновья», в котором вышли почти все последние работы А. Бирюкова, — Г.П.). — Посмотрел ли мою книгу? Кассету — (с новыми текстами, — Г.П.) — шлю. Накопилось много вопросов, но, наверное, нам так и не дано договорить. Пребываю в прежнем состоянии, но духом не падаю».

Борис Штерн, тоже писатель, и замечательный друг мой верный, нежный, к сожалению, как и Саша, ушедший раньше срока, оставил гораздо больше больных «вечных» вопросов. Склонный к юмору и иронии, он даже выстроил свои вопросы в определенном порядке, сначала в письме ко мне, потом в одной из своих книг. «Доколе? Кто прав? Кто виноват? Чего надо? Камо грядеши? Что же это делается, граждане? Кто там? За что боролись? Как жить? Что делать? Куда прешь? Третьим будешь? Кто крайний? Веруешь? А ты записался добровольцем? Куда ж нам плыть? Стой, кто идет? А не еврей ли ты? Зачем пришел я в этот мир? За что? Кому это выгодно? Почем пуд соли? Куда все подевалось? Кому на Руси жить хорошо? Кто написал "Тихий Дон"? Кто сочиняет анекдоты? Как нам обустроить Россию?»

А вот Поль Гоген, закончив одну из своих известных работ, ограничился всего тремя вопросами: «Кто мы? Откуда? Куда идем?»

Всего три, но разве ответы на них найдены?

Кто-то считает, что «вечных» вопросов вообще так много, что с ответом на них можно и не спешить. Кто-то считает бессмысленной, преждевременной саму постановку таких вопросов. А потом — поздно. Потом мы уходим. Один за другим. Никаких исключений. И вдруг выясняется, что мы действительно многого, может, главного не договорили. Остаются догадки, предположения...

Что в то раннее сентябрьское утро хотел сказать мне Саша?

Отец его был репрессирован, мать по своей воле отправилась из Москвы в Магадан, там Саша в 1938 году и родился. Позже мать вернулась в Москву. Окончив юридический факультет МГУ, Саша вернулся на Колыму, ставшую для него родной. Работал следователем, возглавлял газету «Магаданский комсомолец», в которой, кстати, в те годы появлялись и мои стихи. «Боже мой, — писал Бирюков, — какое удовольствие я всегда получал от твоих стихов (начиная с «Провинции»). Рано набрав высоту, ты уже *никогда* не опускался». Эти слова я привожу здесь не как комплимент близкого друга, а как типичное, как вечное отношение Саши Бирюкова ко всему тому, что казалось ему важным, нужным, интересным.

В 1971 году Саша перешел на должность собкора АПН по Северо-Востоку, много ездил по Чукотке и Колымскому краю. Уже тогда начал он по своей воле, вызывая скрытое недовольство и открытое раздражение людей начальствующих, составлять

списки погибших на Колыме, восстанавливать разорванные биографии, расследовать судьбы жертв Севвостлага — известных литераторов, ученых, политических деятелей. В.Нарбут, Д.Святополк-Мирский, О.Мандельштам, Б.Ясенский, В.Князев, В.Пальман, А.Жигулин и многие-многие другие, — и разве только они? Все попавшие под жернова истории интересовали Бирюкова, всех судьбы он считал достойными внимания. Сын торговца; служил в старой армии; из кулаков; дочь купца; служил в белофинской армии; служил в армии Керенского; кулак-подрядчик; харбинец; единоличник; жена шпиона; дочь шахтовладельца; кулак; сектант-евангелист; сын попа; бывший урядник; сын офицера-эмигранта; участник еврейских погромов; анархист; белый казак; атвендист (так значилось в документе); националист; шляпниковец с 1922 г.; член ВКП(б) с 1921 г., дважды исключался за исполнение религиозного культа; монашка; агент польской охранки; брат офицера колчаковской армии; сионист; из кустарей; имеет родственников в Польше; возил врагов народа Троцкого и Каменева, и так далее, и так далее. В книге «За нами придут корабли...» Александр Бирюков вывел из забвения более пяти тысяч имен погибших на территории Дальстроя в 30—50-х годах.

В этой книге есть какая-то своя трагическая, величественная поэтика.

Каждый что-то недоговорил. Абсолютно каждый! Но все хотели высказаться, каждый ушел из мира со своей тайной. Как теперь разобраться, кто в кипящем котле жертва, а кто мучитель? Что можем, что хотим мы открыть друг другу, почему отпущенного Природой срока нам всегда не хватает? Почему, накапливая и накапливая печальный и вместе с тем счастливый опыт, уверяя окружающих и самих себя в величии и силе человеческого разума, мы постоянно натываемся на некие невидимые ограждения, препоны, границы? Неужели главной проблемой нашего неумения получить ответ на главные («вечные») вопросы является все же не слабость нашего ума, не отпущенные нам Природой сроки жизни, а *молчание*. Великое, величественное *молчание*, в которое рано или поздно уходит все живое. Конечно, мы пытаемся докричаться до ушедших. Но нет ответа, нет ответа, мы и себя не слышим. Где вы, ушедшие, где вы, с кем мы не успели договорить? Что там, у вас? Конечно, можно считать некими намеками на возможный ответ северные сияния, дальние зарницы, весенние дожди, крик птиц, но они же на самом деле никак не утверждают нашей связи... с чем?... с кем?.. Тот погиб в честном бою, этот скончался в постели, этот пропал без вести, этот безвинно убит, главное все равно не в этом. Где они все? Почему не ответят?

Я читаю ваши письма, Алексей. «Вторжение мысли в физический мир есть тоже своего рода усилитель: ментальное таинственным образом дает изначальное движение ничтожной группе атомов мозга, следствием чего может быть, например, полет космического зонда по сверхточной траектории за пределы Солнечной системы...» Но что является таким усилителем? Куда летит запущенный зонд? Почему никто не отвечает на наши призывы ни из глубин космоса, ни из вечной тьмы? Мы же взываем, мы отчаянно молим ушедших — откликнитесь. Эдисон в свое время разрабатывал особый телефон для связи с тем миром, египтяне оставили подробные карты мертвых, но разве это нам помогает, разве кто-то хоть раз ответил на отчаянные звонки? Одиноки ли мы во Вселенной? Действительно ли уходим навсегда?

Давно в юности я побывал в соляной шахте Величко — неподалеку от Кракова.

Меня поразил подземный грот, в котором лежало темное соляное озеро. Оно было совсем прозрачным и все равно темным. Оно было плотным, как окружавшая нас тишина. Когда с кровли падала капля, она просто беззвучно растворялась в темной воде, даже круги по ней не бежали.

Молчание. Почти абсолютное.

А я живу, слышу фразы, вижу лица.

В сущности, я постоянно и без перерыва наблюдаю мир — так странно раздробленный, часто не складывающийся в единую картину. Многие годы мне

казалось, что существуют вопросы, ответ на которые сразу многое (если не все) прояснит. Кто мы? Откуда? Куда идем? Куда уходим? Писатель и ученый должны ставить именно такие вопросы в некоей пусть и призрачной надежде на ответ. Но как получить ответ, если перед нами всегда все та же стена — стена *космоса*, стена *ухода*? Конечно, физически линии горизонта нельзя достичь, но я все больше и больше начинаю подозревать, что — не только по причинам, объясненным в учебниках. Усилитель? Да, усилитель. Но какой энергией он подпитывается? Темной скрытой энергией страданий? Новыми страданиями? Снова и снова страданиями? Да, понимаю, понимаю, страдания очищают. Но разве мало в нашем мире катастроф, войн, ненависти, невежества, болезней, предательств? Что еще должно свалиться на нас, что еще должно уязвить нас так сильно, чтобы крик наш отчаянный (вопрос наш) достиг — чего?.. кого?.. или же окончательно рассеялся в темной бесконечности. Какими должны оказаться страдания, чтобы наши жалкие голоса были — чем? кем... услышаны?

Алексей Буров

Есть ряд известных определений человека, Геннадий Мартович, ответов на философский вопрос: «Кто есть человек?» Каждое из них указывает на то или иное всеобщее отличительное начало, присущее человеческому существу, только ему, и любому — от мала до велика, всех эпох и племен. Начну я, однако, не с них, не с указаний на ядро общечеловеческой тождественности, но напротив — с утверждения о глубочайшем водоразделе между людьми.

«Несомненно, радикальнее всего делить человечество на два основных типа: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает труд и долг, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, не силясь перерасти себя».

Так писал Хосе Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» — сборнике эссе, печатавшихся с 1926 года в мадридской газете, и вышедших затем отдельной книгой в 1930 году. Для начала, я бы хотел показать глубину этой разделяющей людей бездны на одном из главнейших человеческих дел — браке. Среди множества препятствий хоть маломальски разумному семейному союзу есть одно, абсолютно непреодолимое: отчетливая принадлежность супругов к противоположным типам Ортеги. Брак между такими людьми может быть лишь краткосрочным недоразумением, следствием временной утраты зрения, никак не более. Разница здесь подобна таковой между видами животных, которая именно невозможностью брачного союза и определяется. Биологическое сравнение может быть продолжено, и на появление высшего типа человека можно посмотреть как на шаг эволюции, подобный шагу от приматов к человеку. Если в последнем случае новизна состоит в появлении сознания, возможности растущего внутреннего мира, то в первом эта возможность возвышается до императива превосходения себя, безграничного совершенства.

Идея превосходения себя самим же собой — противоречива, выглядит как требование невозможного. В природе нет ничего, к чему такие слова можно было бы отнести. Яйцо превращается в курицу в силу закона, это яйцо задающего; какое-либо превосходение яйцом себя здесь отсутствует и может быть лишь иллюзией. Яйцо, цыпленок и курица есть последовательные фазы одной и той же сущности; в смене фаз раскрывается один и тот же биологический закон, новизны в этой смене не более чем в чередовании восходов и закатов. Природные события идут в силу закона и случая — ни то, ни другое не содержит стремления к совершенству, таковое даже и не может

быть прописано в научном каркасе знаний о природе. Эволюция жизни, понимаемая материалистически, ведет, в силу неизвестных науке факторов, ко все более совершенным формам; предполагается (верна ли эта гипотеза — не о том сейчас речь), что в конечном счете все определено фундаментальными законами и случаем. Эта же эволюция, понимаемая теистически, оказывается ведомой внешней творческой силой. Ни в материалистическом, ни в теистическом понимании эволюции нет места странной идее самосовершенствования, да еще и безграничного. Одно из двух: либо эта идея в корне ложна, есть самообман и самообольщение, либо ей отвечает такая реальность, такая сущность, которой ни в материалистической, ни в теистической картине природы и жизни места нет. Замечу во избежание недоразумений, что библейское понимание человека подчеркивает его сверхприродную свободу, в самом полном смысле — свободу как суверенную возможность мышления и действия — не в силу законов, не по случайности и даже не по высшей воле; именно такая свобода и есть то, что делает человека суверенным, образом и подобием Творца. С этим же связана евангельская заповедь безграничного духовного роста: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Если бы я принял, что идея безграничного самосовершенствования есть самообольщение, то тем самым та сила, что неизменно требовала от меня превзойти себя, была бы оскорблена и дискредитирована. После этого мне осталось бы лишь спокойно принять прописку в нижнем разряде человечества и плыть себе по течению, по возможности не перенапрягаясь. Стоит поставить вопрос таким образом, как становится ясно: такого варианта у меня, слава Богу, нет. До такой степени нет, что даже и мысль о нем для меня непереносима. А коли так, то единственным объяснением того сверхприродного императива движения вверх может быть лишь призыв Бога, давшего мне и сверхъестественную к тому возможность, и свободу ее разнообразных реализаций. Других вариантов понимания императива Ортеги, совместимых с полной его силой, у меня не остается.

Очень хорошо, коли так — за дело! Вперед, к новым свершениям, гигантскими шагами. Но шаги почему-то вязнут, ноги спотыкаются, глупость следует за нелепостью, одолевает сон, наваливается суета, и вместо чего-то умного в голову лезут всякая чушь, бестолковщина и желаний своевольный рой. Можно, однако, и сообразить — да ведь так и должно быть, иного и ждать нельзя. Превзойти себя своими силами — сказать такое можно, а вот понять уже нельзя; а тут еще и исполнить требуется. Речь-то идет ни много ни мало о рождении неведомого нового из ничего. Пусть о малом, но сущностном прибавлении мироздания. Об участии в сотворении мира, пусть даже и не слишком заметном для общественности. Но из ткани мира-то, с ее причинно-следственными путями, меня никто не выключал. А если и ослабил надо мной власть этой ткани, с ее законами и случаем, с ее инерцией и нарастанием хаоса, то лишь слегка. Законы и случай продолжают меня вести, бросать и плющить. Материя борет, соблазняет и клонит в сон. День за днем проваливаются в никуда, забывается все подряд, а удается до постыдного мало. Как же быть, как же хоть на йоту прибавить драгоценной свободы и силы духа?

Оставляя в стороне могучую тему аскетических и молитвенных практик, равно как и техник контроля времени, я предлагаю посмотреть на проблему со стороны Создателя. Каковы Его ресурсы в этом отношении? Постановка вопроса может показаться недопустимо дерзкой: пути Господни, как известно, неисповедимы. Кто знает, однако: не является ли этот вопрос по-своему желанным для Небес? Ведь если к идее богочеловечества отнестись со всей серьезностью, то следует, пожалуй, заключить о важности усилий человека в понимании Бога, и прежде всего в отношении Его замысла о человеке и возникающих отсюда границах и условиях для Самого Творца.

На первый взгляд, решение может показаться очевидным до банальности: почему бы не снабдить человека большей силой духа?

Хорошо, предположим, что способностей отпущено больше, но разве задача превосходения себя стала бы легче? Какие-то конкретные задачи, прежде трудные, стали бы до смешного простыми, разумеется. Но ровно поэтому они вышли бы из поля подлинных проблем выросшего человека; настоящей же задачей выросшего человека снова была бы такая, с которой неизвестно как справиться. Абсолютный масштаб способностей оказывается, с этой точки зрения, не слишком важным: каким бы он ни был, настоящая задача такова, что лишь чудом может быть исполнена. Чудо здесь — слово неслучайное. Задача, чье решение в принципе понятно сразу, ничего не прибавит; для прибавления требуется принципиальная новизна. Рождение же нового, бытия из ничто, и есть чудо в точном смысле этого слова. Не означает ли сказанное, что начальный багаж самораскрывающихся талантов должен быть выдан как раз по минимуму, дабы поучаствовал сам человек в их раскрытии и обогащении, в максимальной степени будучи своим собственным создателем? Логика императива совершенства приводит, на мой взгляд, именно к такому выводу.

Итак, каким же все-таки образом Творец может содействовать человеку в его росте, не умаляя свободы и вклада самого человека? И что тут Ему противопоказано? Не надо быть большим педагогом, чтобы знать о недопустимости чрезмерного вмешательства в детские игры, и вообще гиперопеки детей. Всякое вмешательство чревато подавлением детской инициативы. Когда в детской появляется фигура родителя, игра останавливается и может уже никогда не возобновиться. Дистанция же от Создателя до человека много более, чем дистанция от отца до ребенка. А раз так, то Создатель должен быть почти всегда и почти для всех надежно сокрыт. Только в этом случае может набирать силу человек — не подавленный сверхмощью Высшего Начальства, но растущий в свободе дарованного ему мира. Заботясь о личности каждого из нас, Творец и не дает о Себе знать, давая Себя почувствовать лишь в порядке индивидуального исключения, в свое время и меру. Божественная помощь может быть совершенно незаметной и незамеченной; думаю, чаще всего она именно такова. Она может также явиться как удачный случай, редкое везение, счастливая встреча, неожиданная замечательная мысль и, конечно же, вдохновение. Один из великих физиков прошлого столетия, Поль Дирак, размышляя на склоне дней о самом главном в своей жизни, оставил следующую дневниковую запись:

«If you are receptive and humble, mathematics will lead you by the hand. Again and again, when I have been at a loss how to proceed, I have just had to wait until I have felt the mathematics lead me by the hand. It has lead me along an unexpected path, a path where new vistas open up, a path leading to new territory, where one can set up a base of operations, from which one can survey the surroundings and plan future progress».

«Если ты восприимчив и кроток, математика поведет тебя за руку. Много раз, когда я был растерян и не знал пути, я должен был просто ждать, пока не почувствую, что математика повела меня за руку. Она вела меня по неожиданной тропе, открывавшей новые виды, тропе, ведущей к новым землям, где можно было основать новую базу, рассмотреть окрестности и планировать будущий прогресс».

Открытость Богу, восприимчивость и кротость перед Ним — именно об этих душевных качествах говорят вместе с Дираком мистики всех времен и народов.

Вдохновение может иметь и совершенно иной облик — как особая сила духа перед лицом тяжелых испытаний, опасностей природы и общественного зла. Голос Неба, услышанный человеком, может придать ему невероятную мощь. Голос Неба может быть голосом ушедших, дорогих или даже неизвестных людей — даря силу духа, громадную силу, требующуюся иногда, чтобы всего лишь не упасть. Этот голос, Геннадий Мартович, мне слышен и в строках письма вашего доброго друга Бирюкова, знавшего, что *опускать руки нельзя*, вновь и вновь погружавшегося в мрачный колодезь

прошлого и добивавшегося своего от советской власти, стремившейся предать эти колодцы забвению. Бирюков же твердо стоял на том, что эти люди были и случившееся с ними должно помнить. Знал, гнул свою линию несмотря ни на что и побеждал.

Связь с ушедшими — особый ресурс главного командования. Только как странная, неуверенная, редко и неожиданно включаемая, эта связь и может работать. В противном случае она обратилась бы в нечто вроде регулярных новостей с того света, сам факт которых обессилил бы императив совершенства. Ибо не только тайна Божества, но и тайна инобытия есть его условия. В конечном счете, дело ведь не в грехе и не в очищении от него. Эти понятия отрицательны, они ничего не говорят о позитивном содержании задачи, которая только и выявляет — что, собственно, есть грех и ради чего важно его преодолеть. В конечном счете, задача человека — в превосходении себя, что и есть путь спасения. Как в этой жизни, так, думаю, и в следующей.

А что же ждет низший тип, спросите вы, всю эту плывущую по течению массу? Ведь они глухи к императиву Ортеги, зачем Творцу их пустое бытие? Может быть, ответ — в словах пушкинского Моцарта, и только затем они и нужны:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль?

Моцарт, заметим, не уверен — «не правда ль?»

Но может быть прав был Ориген Адамантич, убежденный в том, что, в конечном счете, спасутся все, тяжесть греха преодолеют даже те, что были когда-то последними злодеями. И кто знает, в непостижимом конце времен не вернуться ли в отчий дом даже падшие ангелы?

Андрей Турков

«В списке славы золотой»

Разговор ведет Наталья Игрунова

Андрей Турков — старейшина литкритического цеха, автор книг о Чехове, Салтыкове-Щедрине, Блоке, Левитане, Кустодиеве, Твардовском, Заболоцком, Абрамове... Жанр, в котором он работает, кто-то из коллег по цеху очень точно определил как критическое человековедение.

22 июня — 75 лет начала Великой Отечественной. Андрей Михайлович прошел войну рядовым. «Ветеран» он нетипичный — о «своей» войне публично не рассказывает (да кажется, и непублично тоже). Во всей книге воспоминаний «Что было на веку...» об этом наберется буквально пара страниц, да и то не о боях-сражениях, а о том, как менялся его взгляд на мир. «...Солдатом короткое время провел в Восточной Пруссии и Польше. А опричь того — и в переставших быть "заграницей" совсем недавно Эстонии с Литвой и на Карельском перешейке, до 1940 года принадлежавшем Финляндии»... «Что касается Пруссии и перешейка, они были тогда безлюдны: население ушло вслед за своими войсками. Первое мое впечатление на бывшей финской территории — дом на берегу озера, окруженный двойным рядом колючей проволоки, где содержались пленные, сделавшие на стенах многочисленные надписи... /.../ Я написал об увиденном в армейскую газету. Первое мое напечатанное "произведение"... О попавшем в руки новогоднем номере какого-то финского журнала: «С обложки смотрел солдат с поразившим меня трагически усталым лицом, заставившим подумать, что и "противнику" приходится солоно, а заодно — что подобное изображение наших солдат, не меньших мучеников войны, мне не встречалось»... Впечатления от короткого пребывания в Эстонии — «мрачный шум водопада в разрушенной Нарве и услышанное на одном хуторе: "Зачем вы пришли? Мы вас не звали!"» И еще чуть дальше: «Нашу часть отвели поблизости в одно литовское селение. Там все сильнее и сильнее слышалась артиллерийская канонада: немцы пытались контратаковать. В небольшой деревне ощущалась нарастающая тревога. Я с несколькими товарищами жил в доме неподалеку от костела и однажды услышал за стеной что-то необычное: длинный «монолог» мужского голоса, временами сопровождавшийся вторившими ему женскими, — это ксендз читал молитву, а паства подхватывала... И у меня впервые возникло явственное ощущение иной жизни, другой, неизведанной культуры...»

Наш разговор — о начале войны, о военном поколении и его поэтах, о самом знаменитом литературном герое тех лет — Василии Тёркине и о судьбе его автора — Александра Твардовского, о цене Победы и о памяти...

Наталья ИГРУНОВА: *Вы ведь 24-го года — из тех самых мальчиков, которые ушли на войну со школьного бала.*

Андрей ТУРКОВ: В общем, да, хотя не совсем со школьного бала, потому что я попал на войну летом 41-го года, когда мы еще кончили только 9-й класс и поехали копать противотанковые рвы на Смоленщину. Школу я кончил уже во время войны, и выпускного бала у меня не было.

Н.И.: *Как вы узнали про войну?*

А.Т.: Я накануне был в театре. В дороге страшно промок, возвращаясь. И спал без задних ног. Утром зашла домработница моих родичей, у которых я тогда жил, в мою комнату и сказала: «Андрюша, война». Оказалось, что дяде, Николаю Александровичу Краевскому, крупному патологоанатому, позвонил его учитель, профессор Давидовский: «Коля, включай радио». У них был приемник, и он поймал Гитлера. Так они узнали о войне еще до выступления Молотова. И уже сидела на кухне моя тетка, тоже врач, и писала список вещей, которые она должна взять с собой. Ей предписывалось отправиться под Барановичи. Она не доехала туда — Барановичи были взяты. Вот так я узнал про войну.

Н.И.: *И первое чувство?*

А.Т.: Сейчас уже трудно вспомнить... Но висело это в воздухе. Опровержение 14 июня, что все в порядке, как-то не успокаивало. Я в ополчение не попал, а некоторые мои однокашники попали. Попали в отступление, довольно драматичное... Так это все начиналось.

Н.И.: *А потом вернулись в школу?*

А.Т.: Да, я окончил в 42-м году школу, поступил в Литературный институт — и уже оттуда ушел в армию. Весеннюю сессию сдать не успел — отсрочку на время экзаменов не дали («таких писателей народ — под зад коленом», — сказал военком), так что сдавал их уже после войны.

Н.И.: *Вы же начитанный были молодой человек. О Первой мировой войне к сороковым годам написана большая литература. Воображаемая, представляемая война — и та, которая случилась, они сошлись, или это были совсем разные войны?*

А.Т.: Конечно, разные. Та была война позиционная, ничего похожего на то, что мы получили в 41-м, да и не только мы — французы получили раньше нас. Но все-таки трагедия войны, разрушение и стойкость в то же время людей — это было. Было и страшновато — и одновременно притягательно. Мальчишки есть мальчишки.

Н.И.: *А вообще — чужой опыт, литературный опыт в такой ситуации мог работать? Помочь, подготовить? Или это все-таки вещи умозрительные?*

А.Т.: Нет, не мог. Я думаю, что этот опыт у каждого свой.

Н.И.: *И самые важные книги о Великой Отечественной войне написаны теми, кто ее прошел.*

А.Т.: Да. Не только нашим поколением, но и теми, кто постарше.

Н.И.: *Я недавно нашла, разбирая старые газетные вырезки, интервью Вячеслава Леонидовича Кондратьева 91-го года — к 50-летию начала войны. Ему задают вопрос про подвиги, и он говорит, что народным подвигом была вся война, уже само нахождение на передовой, первый шаг на поле боя. Причем будни войны — подвиг, возможно, больший, чем когда солдат бросался с гранатой на танк, там — эмоциональный всплеск, какие-то мгновения, секунды, а будни — это «дни и ночи, кровавые и беспросветные», постоянное нечеловеческое напряжение, выдерживать которое было невероятно трудно, а освободить могли только смерть или ранение. Он говорит — люди порой сходили с ума, были случаи самоубийства, вспоминает, что и себя ловил на мысли: не лучше ли пулю в лоб, чтоб отмучиться...*

А.Т.: У Серёжи Орлова, который выбрался из пылавшего танка полуослепшим и дополз до своих по гусеничному следу и которого многие любители поэзии помнят по стихотворению «Его зарыли в шар земной», где-то мелькает такое замечательное

четверостишие: «Год мы этот город штурмом брали. / Над болотом с чёрною водой / Танки шли, горели, догорали, / Столбики вставали со звездой». Он рассказывал, что когда-то ехал на электричке через те места, где воевал, и оказалось, расстояние, которое они шли год, электричка пролетела за считанные минуты.

Н.И.: *Можно представить, что он почувствовал... И у Твардовского это тоже есть — это напряжение, сверхчеловеческое усилие и преодоление — и, может быть, самая вершина этого преодоления — поединок со смертью в «Тёркине».*

А.Т.: Конечно. Возвращаясь к тому, что Кондратьев пишет о буднях войны. Помните — отдых Тёркина, как ему вдруг подфартило, чтобы он попал на неделю в дом отдыха на войне. И как он там не может места себе найти, потому что вспоминает, что такое война. Вот он почти засыпает, «ровно, сладко дышит грудь, / Ах, как холодно в дороге, / У объезда где-нибудь, / Как прохватывает ветер, / Как луна теплом бедна, / Ах, как трудно всё на свете — / служба, жизнь, зима, война...»

Н.И.: *Вообще говоря — целая философия.*

А.Т.: Философия, да.

Н.И.: *Андрей Михайлович, а для вас это главный писатель жизни?*

А.Т.: Я всегда повторяю, что меня хлебом не корми, дай поговорить о Твардовском. Но я совсем не хочу сказать, что не ценю остальных. Если говорить о поэтах военного поколения — это Юлия Друнина, Костя Ваншенкин, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Юрий Левитанский, Булат Окуджава...

Н.И.: *...Межиров, Симонов, Сергей Орлов... Михаил Исаковский — не воевавший, но так точно почувствовавший боль утраты...*

А.Т.: Я прекрасно помню — хоть я еще на студенческой скамье, — у нас появляется человек из госпиталя, раненый, с палочкой еще, и читает нам стихотворение «Перед атакой». Семен Гудзенко. Это одно из сильнейших стихотворений о войне: «Разрыв! — И умирает друг. / И, значит, смерть проходит мимо. / Сейчас настанет мой черед, / за мной одним идет охота. / Будь проклят, сорок первый год / и вмёрзшая в снега пехота!»

Н.И.: *Интересно, а как это удалось опубликовать?*

А.Т.: Очень трудно проходило — строчку-проклятие всячески старались вымарать. Да что говорить об этих стихах, когда в знаменитой, сразу же пришедшейся по душе тысячам людей песне Суркова «Бьётся в тесной печурке огонь» цензоры хотели убрать «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага». Теперь, когда опубликована переписка Твардовского с женой, известно, как продирались через редактуру хрестоматийные сегодня главы «Тёркина». Был момент, когда секретарь ЦК ВКП(б) Щербаков, назначенный во время войны еще и начальником Главного политуправления Красной Армии, вообще сказал — хватит, безумно растянуто, главы, главы, главы, сколько можно. Однако когда пришла Победа, Твардовский получил телеграмму чуть ли не из «Правды»: шлите главу о Тёркине на Параде Победы на Красной площади. Он очень презрительно к этому отнесся, ничего не стал писать.

Н.И.: *Мне кажется, в стихах тех лет было больше правды о той войне, о человеке на войне — больше, чем в тогдашней прозе и даже чем в публицистике. Понятно, что тут были и «привходящие» причины, но тем не менее: то, к чему только в семидесятые-восьмидесятые, а кто и в девяностые, начали подступаться Василь Быков, Астафьев, тот же Кондратьев, еще во время войны, в сорок четвертом проговорил в «Балладе о расстрелянном сердце» Николай Панченко:*

Я сотни вёрст войной протопал.
С винтовкой пил.
С винтовкой спал.
Спущу курок — и пуля в штопор,
и кто-то замертво упал.
А я тряхну кудрявым чубом.
Иду, подковками звеня.

И так владею этим чудом,
что нет управы на меня.
<...> — Убей его! —
и убиваю,
хожу, подковками звеня.
Я знаю: сердцем убываю.
Нет вовсе сердца у меня.

И дальше: «Куплю плацкарт/ и скорым — к маме,/ к какой-нибудь несчастной Мане,/ вдове, обманутой жене:/ — Подайте сердца!/ Мне хоть малость!..» Хочется цитировать подряд.

А.Т.: «— Подайте сердца инвалиду!/ Я землю спас, отвел беду. — / Я с просьбой этой, как с молитвой, / живым распятием иду»... Совершенно удивительное стихотворение, сигнал тревоги, предупреждение, голос боли... Ему цены нет.

Я еще очень люблю стихотворение человека, с которым при жизни часто спорил, — «О главном» Сергея Наровчатова. Оно вмещает в себя очень многое.

Н.И.: «*Не будет ничего тошнее, / Живи еще хоть сотню лет, / Чем эта мокрая траншея, / Чем этот серенький рассвет*»?..

А.Т.: Да, это:

...Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая власть и без оглядки
Всё то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь, —
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдёшь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!

Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,

Тогда — то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомёк,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

По-моему, одно из самых прекрасных стихотворений о войне. В нем правда о поколении — для многих война оказалась не только пиком судьбы, но самым главным переживанием в жизни.

Н.И.: *У Слуцкого много об этом — помните: «А в общем, ничего, кроме войны...»*

А.Т.: И у него же горькие строки о том, что, вернувшись с войны, мы поняли, что никому не нужны.

Н.И.: *Это «мы» — оно ведь и ваше: в своей книге «Что было на веку...» вы вспоминаете лето 1945 года — процитируем для читателей: «Госпиталь в приволжском Камышине. Постепенно выздоравливаешь, приноравливаешься к своему новому положению, и горечь увечья, температурные вспышки, невзрачность обстановки (по ночам в палату захаживают крысы, могут и днем повстречаться тебе в каком-нибудь укромном уголке), — все перекрывается ощущением возвращения к жизни, да еще отныне — мирной, ее обещаниями, ее дразнящими воображение маревами будущего...» Когда же в июле вы приехали из госпиталя в Москву, ваша мама находилась в заключении. Вдобавок оказалось, что вам, как и другим студентам, пришедшим с фронта, в Литинститут придется поступать заново.*

Сразу же вспоминается повесть Елены Ржевской «Домашний очаг», написанная через 60 лет после войны, — о возвращении домой. Она вернулась с войны, а мама днем раньше вернулась из дома отдыха. Первый мамин вопрос: «Насовсем?» — и чуть ли не следом упрек: ты виновата, не вмешалась — отец с войны вернулся, но ушел из семьи. Мгновенное ощущение: «почужавшая» комната, «почужавшие» люди, впереди — испытание жизнью без войны. Эта жизнь худо-бедно текла, продолжался ее круговорот, а для вас, воевавших, она была разорвана, взорвана, и понять, каково это, трудно даже самым родным людям, даже маме.

А.Т.: И тут важно, что Ржевская — это псевдоним. Пусть она, военный переводчик, была не на самой передовой подо Ржевом — но все равнохватила достаточно. И как раз для нее это было тем самым главным жизненным переживанием.

Н.И.: *Так ведь и для Кондратьева точно так же было. И у Твардовского одно из самых мощных стихотворений — «Я убит подо Ржевом»... Андрей Михайлович, а у кого точнее всего о начале войны?*

А.Т.: Трудно вот так сразу сказать...

Н.И.: *Я всегда думаю про «Усвятские шлемоносцы» Евгения Носова. Помните, самые последние строчки — предчувствие трагедии — когда в вышине, «в недостижимом одиночестве» кружит над этими уходящими на войну такими живыми, теплыми, земными мужиками курганный орел, похожий на распростертую черную рубаху.*

А.Т.: Замечательная повесть. Замечательная. Вот это ощущение двойное: надвинувшаяся внезапно беда — и потом проскальзывающая мысль, что все равно одолеем, когда представляешь вдруг капли, сливающиеся из разных деревьев в поток (это образ Носова. — *Н.И.*), хотя, конечно, многие из этих людей погибнут, но ощущение силы, мощи, веры удивительно точно переданы. И память о шлемоносцах и прошлом... И понимание, что все это очень дорого стоит — Носов ведь один из жесточайших писателей.

Н.И.: *Но сколько у него щемящей тоски расставания, сколько сдержанной любви — и в «Усвятских шлемоносцах», и в рассказах о войне — «Шопен, соната номер два», «Красное вино победы».*

А.Т.: В отличие от последнего романа Виктора Астафьева. У нас с вами был общий знакомый, даже можно, наверное, сказать друг, очень талантливый критик Игорь Дедков, человек более молодого поколения, чем я, так вот он последний астафьевский жестокий роман «Прокляты и убиты», его первую часть (я не помню, дожил ли он до выхода второй части) не принял, считал слишком мрачным и напоминающим «Очерки бурсы» Помяловского.

Н.И.: *Игорь Александрович по нашей просьбе взялся писать о романе Астафьева, и этот его разросшийся в серьёзное исследование отклик был впервые опубликован в «Дружбе народов». А для меня самая сильная вещь Астафьева о войне — рассказ «Ясным ли днём». Его держит интонация сочувствия: и к этому безногому фронтовику, и к пьяньёному новобранцу, и к его девочке — и такая печаль, что, когда читаешь, ком в горле.*

А.Т.: Это прекрасный рассказ, почти акварельный отголосок войны, но пронзительный.

Н.И.: *А главные — опять у нас это слово всплывает, но точнее не подберу — книги о войне для вас какие?*

А.Т.: Наверное, самая главная книга о войне для меня «Василий Тёркин» Твардовского. Он мне попал в руки в армии, в начале 43-го, где-то под Калугой — уже отдельной книжечкой, но еще неполный. Причем, когда я его впервые прочитал, воспринимающий аппарат мой еще не был способен это воспринять: «Переправа, переправа!/ Берег левый, берег правый,/ Снег шершавый, кромка льда...// Кому память, кому слава,/ Кому тёмная вода, — / Ни приметы, ни следа...» Очень сильное впечатление осталось от стихов более поздних — «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война» — и от того, что Твардовского уже тогда клевали, подхватив его же выражение «жестокая память». Дескать, из-за этой памяти отодвигается на задний план сегодняшний день.

Н.И.: *Воспользуюсь вашим наблюдением о воспринимающем аппарате. Одно из первых моих детских воспоминаний — лето, воскресенье, мы с родителями едем в лес за грибами, и папа, тогда тридцатилетний, редактор областной молодежки, держит в руках газету и восторженно читает вслух стихи. Я люблю стихи, люблю, как папа читает, меня подхватывает летящий ритм... Я, конечно, не понимаю, почему смеются и чему изумляются взрослые. Не понимаю — но запоминаю на всю жизнь как большое хорошее событие. И фамилию героя стихов запоминаю — Тёркин.*

А.Т.: Это, наверное, шестьдесят третий год?

Н.И.: *Август шестьдесят третьего, газета — «Известия», а «стихи» — поэма Твардовского «Тёркин на том свете». Ровно через двадцать лет после вашего знакомства с Тёркиным.*

А.Т.: Это действительно было событие. У Твардовского в дневнике есть запись тех дней, что появление поэмы всем представляется невероятным, исключительным и сам он готов ущипнуть себя — не сон ли?

Н.И.: *А ваша первая встреча с Твардовским — когда и какая?*

А.Т.: Как мы познакомились, честно говоря, не помню. Первое отчетливое

воспоминание: 1951 год, Твардовский уже редактор «Нового мира», в «Правде» — разнос одной из статей, напечатанных в журнале. По канону тех лет после этого полагалось обсуждение, «проработка», покаянные речи. Отвратительно выступил Катаев: он, де, как член «новомирской» редколлегии не снимает с себя вины, но, будучи молодым коммунистом, заслуживает снисхождения — и тут же выдал легкий донос: главный виновник — Твардовский, который публикацию разрешил. Твардовский, как и все до него, признал «идейную ошибку», произнес какие-то принятые формулировки. И вдруг резко вскидывает взгляд и говорит: мы не собираемся посыпать голову пеплом. Меня это поразило. Характер, человек были сразу видны.

Н.И.: *Мало кто перечитывает книжки, которые когда-то проходили на уроках литературы. Особенно стихи. Тем более, если их заставляли заучивать наизусть. «Бой идет святой и правый,/ Смертный бой не ради славы,/ Ради жизни на земле». Образ Твардовского, вынесенный из школьной программы, думаю, у всех примерно такой: автор «Василия Тёркина», мэтр советской поэзии, редактор «главного» литературного журнала, лауреат всевозможных премий — от Сталинской до Ленинской...*

А.Т.: ...этакий баловень судьбы и безоблачный поэт. На самом деле этот «счастливчик» был весь в рубцах и шрамах! Будучи совсем молодым поэтом, объявлен «кулацким подголоском», негодовали, почему это его вместе с раскулаченной семьей не выслали. В 37-м едва избежал ареста. О том, с каким трудом выходил «Тёркин», я уже сказал. Очерки «Родина и чужбина» подверглись разносной критике в печати, и публикация была прервана. Поэма «Тёркин на том свете» была под запретом девять лет, а «По праву памяти» — семнадцать, при жизни автора не публиковалась. Наконец, Твардовского дважды вынуждали покинуть журнал «Новый мир». Такой вот послужной список... По-моему, это большая фигура в литературе, замечательный поэт, совершенно недооцененный, и крупная личность, замечательный человек. Возможно, слишком строг и суров — но при этом обаяние крупной личности, ума, таланта, честности, совести... Совесть — это одна из ключевых черт его характера, совесть — одна из ключевых тем его творчества. Это явление, о котором *интересно* говорить.

Н.И.: *Причем, явление, отнюдь не законсервированное в своем времени.*

А.Т.: Безусловно. Вот мы сейчас спорим о роли Сталина в войне, о том, как к нему тогда относились солдаты. Тот же «Тёркин» так трудно пробивался в печать, потому что там нет ни Сталина, ни Ленина, и о партии не слышно. Представьте: конец августа—начало сентября 42-го года, немецкие танки у Сталинграда. Только что вышел знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!», где говорилось, что армия отступает, покрыв свои знамена позором, и записана формулировка «преступление перед Родиной». И в этот момент публикуются первые главы поэмы. Они об отступлении 41-го года, но очевидно переключаются с тем, что происходит вокруг: «Шёл наш брат, худой, голодный,/ Потерявший связь и часть,/ Шёл поротно и повзводно,/ И компанией свободной,/ И один, как перст, подчас./ Шёл он, серый, бородатый./ И, цепляясь за порог,/ Заходил в любую хату,/ Словно чем-то виноватый/ Перед ней./ А что он мог!» Герой — и одновременно мученик войны. Это было неслыханно, такого солдаты тогда о себе не читали.

Н.И.: *Вдобавок сказано так просто и искренне.*

А.Т.: Абсолютно. В начале войны он написал письмо, по-моему, это письмо жене, и там такая мысль была: мы (т.е. корреспонденты) подъезжаем к тем окопчикам и ямочкам, где люди на передовой, мы наскоро их расспрашиваем, вздрагивая от далекого разрыва мины, и уезжаем, провожаемые забываемыми взглядами этих людей. Вот эта совесть ему «Тёркина» и продиктовала. Потом — глава о переправе. Картин гибели у нас в литературе и в печати тоже практически не было. А тут «люди тёплые, живые, шли на дно, на дно, на дно»... Ахматова соизволила сказать — как записала Лидия Корнеевна Чуковская: «Тёркин»? — ну что ж, в войну бывают нужны веселенькие стишки. За «веселенькими стишками» не разглядела большого трагического поэта. Если же говорить о главе «Смерть и воин» — я вообще считаю, что такие строки в мировой поэзии — наперечет.

Еще один переключаящийся с сегодняшним днем сюжет. До войны слово «русский» было как-то не в почете. Бытовало — «советский». И вдруг «русский»

амнистируется. И не только амнистируется, а начинает выпячиваться как таран. И Твардовский в одном из писем жене замечает: ты обратила внимание на ремарку в пьесе «Русские люди» Симонова? На сцене русская печь, в углу — киот с иконами, недостает только написать — русская баба печет русские блины и русский мужик ест их, запивая русской водкой и по-русски матерясь. Абсолютно точно уловил пережим. Твардовскому, и об этом тоже есть письменное свидетельство — дневниковая запись, важно, чтобы в его поэме было *лучшее воюющих людей, национальное без нажима*. Сейчас бытует точка зрения, что патриотизм — это возвеличивание своей нации. Здравствуйте! Тогда что такое шовинизм?.. А здесь такой абсолютный, я бы сказал, толстовский такт, когда он говорит, что есть чувство стыдливое, но лежащее в глубине в каждой русской душе, говорит о скрытой теплоте патриотизма. И вот эта скрытая теплота есть у Твардовского.

Я вам рассказывал, как меня пригласили на очередную конференцию о роли литературы о Великой Отечественной войне в деле воспитания и т.д.? Пригласили и, не долго думая, назвали мое выступление так: «Воспитательный потенциал поэзии Твардовского о Великой Отечественной войне в восприятии молодых людей XXI века». Я говорю: дорогие мои, это для меня вопрос — как они воспринимают. Наташ, они разговаривают так: «в плане понимания патриотизма». (*Смеется*) В том же письме Твардовского к Марии Илларионовне, о котором мы говорили, есть фраза: такое получается, когда сущность заменяют названием. Вот у нас так получается с воспитанием патриотизма. «Великая отечественная война как идейный стержень воспоминаний...» От «идейного стержня» уже нехорошо становится. А дети?! Вот тут-то и начинается то самое — «если слушать захотят». Не захотят они это слушать.

Н.И.: *А такие высокие слова типа «патриотизм» — из лексикона Твардовского?*

А.Т.: Думаю, что нет. Нет. Думаю, если полистать, а уж тем более по частотному словарю брать, вообще минимум. Навскидку я вообще не вспомню, чтобы они у него звучали. Хотя он весь на этом замешен — «Мать-земля моя родная,/ сторона моя лесная,/ край, страдающий в плену»... И опять к разговору о совестливости: «Мать-земля моя родная.../ ты прости, за что — не знаю,/ Только ты прости меня»... Это Тёркин говорит — но, конечно, не только Тёркин.

Тёркин горазд на бойкое слово, но не на гражданские декларации. Когда проносится слух о его смерти, кто-то рассказывает, если хотите, по трафарету, как это происходило, и там есть такие строчки: «Говорил насчет победы,/ Мол, вперед. Примерно так»... Такое ощущение, что он сомневается, что-то не то, что-то фальшивое. Кто-то там возражает, дополняет: «Жаль, — сказал, — что до обеда/ Я убитый, натошак». Все понимают, что, если он умер, то не с пафосными словами, не «За Родину, за Сталина!», а вот именно так, с шуткой уходя.

Твардовский справедливо гордился тем, что нет в мировой литературе другого опыта, чтобы литературное произведение рождалось, сопровождаемое потоком читательских писем. И каких! Я уж не говорю, что ему пишут: каждое появление новой главы — это для нас праздник. Проходит время, уже давно кончилась война, уже идет к концу жизнь самого Александра Трифоновича и в 69-м году, по-моему, за месяц до его снятия с редакторского поста, он получает письмо без точек и запятых. Я его почти наизусть помню. «Дорогой мой Александр Трифонович Я солдат прошел всю Отечественную Читаю ваши произведения Люблю вас как душу свою». Это четверть века спустя! Он вклеивает это в рабочую тетрадь — можно понять, с каким чувством. И ведь не единичный случай. В это же время кто-то ему пишет: как жалко, я вот вам раньше не написал, что в 45-м Тёркин нам очень помог, — и подписывается: «солдат из роты Тёркина». Вот ощущение действительно всенародной любви.

Н.И.: *То, что вы рассказываете, еще раз подтверждает, что Твардовский — вполне в традиции русской литературы — воспринимал писательство как общественное служение. Тип писателя, определявший историю нашей литературы и на глазах исчезающий, можно сказать — вымирающий. Более того — многими критиками и самими писателями объявленный изжившим себя.*

А.Т.: Я считаю, что это один из губительных перекосов. Говорят: наконец-то

литература стала заниматься своим делом. То есть только собой. Огромная ошибка. В «Новом мире» Твардовского было ведь собственно говоря две главных темы: деревня и война. В первые послевоенные годы — Казакевич и Гроссман, потом — Василь Быков. Константин Воробьев, который, как и Овечкин с «Районными буднями», обошел со своими «Убиты под Москвой» все редакции, пока не принес рукопись в «Новый мир». Получил телеграмму от Твардовского, приехал. Твардовский ему сказал — будем печатать, вы сказали несколько новых слов о войне. И Воробьев вспоминал, что он не удержался и заплакал. Твардовскому столько людей обязаны. Я уж не говорю про читателей, которые обязаны ему бесконечно.

Н.И.: *Но в постсоветское время распространилась точка зрения, что поэт в России должен быть просто поэтом, что литература должна перестать быть философией, религией, кафедрой, а решать свои цеховые, ремесленные и творческие задачи. И за очерченную площадку не высовываться.*

А.Т.: Никто не просил «высовываться» ни Короленко, ни Эмиля Золя со своим «Я обвиняю!». У нынешних литераторов есть поводы, чтобы написать своё «Я обвиняю!», но они их не используют, по-видимому, уже принципиально.

В 1954-м, в начале «оттепели» Александр Трифонович очень надеялся, что сумеет напечатать «Тёркина на том свете». Устроил встречу с теми, кто назывался скучным словом «актив» журнала. Все были в полном восторге. Один Асеев высказал опасения, что у поэмы будет трудная судьба. Впоследствии или Лакшин, или Кондратович, не помню, написал, что когда Асеев слушал поэму, бросил две реплики — сначала он пробормотал: интересно, оторвут ему за это голову или нет, а когда пошло обсуждение, сказал, что насчет того света все совершенно справедливо — я на нем уже давно живу.

Н.И.: *То есть услышал именно то, что и было написано.*

А.Т.: Абсолютно. Конечно же, напечатать не удалось, начался настоящий погром. И когда Твардовского окончательно допекли, он прямо сказал, что для него эта поэма — суд над бюрократией и аппаратчиной. (Согласитесь — тоже вполне себе современная тема.) Вот против чего и кого он выступал, еще, может быть, до конца не понимая, что они-то и определяют суть сложившейся системы. Но чем дальше, тем больше понимал. Говорил, что литература XIX века была свободней, мы подчинены своей религии — «самой передовой теории». В дневниках есть запись по поводу ленинской фразы о том, что Россия выстрадала марксизм: горько думать, что она прожила еще 45 лет (с момента произнесения этой фразы) отнюдь не единственно верной практики.

Н.И.: *Это было разочарование именно в системе?*

А.Т.: Да. Сказать, что он разочаровался в социализме, — нельзя.

Это противостояние стоило ему поста главного редактора. А вскоре появилось стихотворение, которое заканчивалось так: «Еще и впредь мне будет трудно, но чтобы страшно — никогда».

Н.И.: *Можно ли после этого сказать, что Твардовский был советский писатель?*

А.Т.: Он был абсолютно советский писатель. Это человек, которого родила революция, «дитя» комсомола, со всем его энтузиазмом, со всей наивностью, со всеми заблуждениями тех лет. «Я счастлив тем, что я оттуда, /Из той зимы,/ Из той избы./ И счастлив тем, что я не чудо /Особой, избранной судьбы», — он оттуда, из деревни 20-х годов, из деревни, которая «поднята». И тут как раз корни его разлада с отцом. Для его отца НЭП — возможность рвануться к большому достатку. А для него НЭП и вообще советская власть — это возможность рвануться к культуре. Отец их тоже приобщал к культуре. От отца у него любовь к чтению, отец им впервые читал Пушкина, подарил ему том Некрасова. Но отец не думал, что заронит такую любовь к литературе, которая оторвет от него сына. Твардовский был готов пытаться понять даже коллективизацию — я, мол, еще не дорос. И очень долго это в нем было. Хотя в 30-е годы, как я уже сказал, он ходил в «кулацких подголосках», а в 37-м действительно был просто на краю ареста.

Н.И.: *После высылки отца?*

А.Т.: Не только. У него были рьяные противники в писательской организации смоленской, который находили не ту линию даже в «Стране Муравии». Эта поэма у нас трактуется как абсолютное поощрение коллективизации: рассказ об эдаком недотепе — уже всем ясно, как необходимы колхозы, а этот последний дурак бродит один. Но Моргунок вовсе не был исключением. И поэма гораздо сложнее, она о судьбе крестьянства, о нежелании идти в колхоз. Там были строчки, которые Твардовский никогда не смог напечатать: «Дома гниют, дворы гниют, /по крышам галки гнёзда вьют, /зарос хозяйский след. / Кто сам сбежал, кого свезли, / как говорят, на край земли, / где и земли-то нет». Это в черновиках осталось, но звук этот — существовал в поэме. Тем не менее в конце 30-х он еще верил, что в деревне все образуется, что есть какие-то колхозы, где живется лучше. Его называли «певец колхозной нови». А потом... Он многое понял уже на Финской войне, трагедию которой очень тяжело пережил. Сказал как-то: «На этой войне Суворова не нашлось». Бездарная война, с огромными потерями, которые мы до сих пор скрываем. После Отечественной войны «песни» как отрезало, если появляются стихи о деревне, то тоже очень трагичные. Кстати, он числил за собой долг, что не написал о послевоенной деревне. Хотя в поэме «За далью — даль» уже было видно, как у него все это болит. Твардовский видел, что происходило. Мучительно расставался с верой в Сталина. Помимо всего прочего, у него ведь были Сталинские премии, и за «Тёркина», и за «Дом у дороги», «Страну Муравию» могли разгромить, но товарищу Сталину она понравилась... Я своими ушами от него слышал: я был сталинистом, хотя и не дубовым. Он признавался, что, когда началась антикультурная полоса, сначала сопротивлялся. Это тоже характерно: он не был человеком, который — раз! — и повернулся на 180 градусов. Он хотел *сам* это все почувствовать. Между прочим, веру в Ленина и любовь к нему он пронес до конца.

Н.И.: *Так ведь это характерные, поколенческие вещи.*

А.Т.: Безусловно. Все мы через это прошли. Восстановление ленинских норм — это именно мечта прорваться через Сталина, оппозиция Сталину. Будучи редактором «Нового мира», Твардовский читал огромное количество материалов. В статье историка Михаила Гефтера он зацепился за фразу Маркса, где было словечко «самоизменение». И применил его к себе. Это и впрямь для него были долгие годы самоизменения. Запись в дневнике: для него, депутата Верховного Совета, каждый прием, на который приходят люди со своими бедами, — мука, потому что он почти ничего реально сделать не может. Более поздняя запись, уже после окончательного ухода из журнала: а есть ли у нас советская власть?

Н.И.: *Андрей Михайлович, а с чем он связывал надежды?*

А.Т.: Надежды?.. Огромная надежда после XX съезда. Огромная. Он считал, что своим «Новым миром», как танк, входит в прорыв, чтобы «оттепель» в настоящую весну превратилась. А потом — горькая запись последних лет: мы-то думали, что все всерьез, а это была езда с ограничителями. Он, конечно, в чем-то был наивен. Уговаривал Хрущёва отменить цензуру.

Н.И.: *Может быть, в Твардовском не было какой-то предвзятости в отношении к Хрущёву, потому что в нем — хотя бы в силу происхождения — не было снобизма.*

А.Т.: Бесспорно, они вполне могли найти общий язык. При этом для Хрущёва Твардовский — примерно как Демьян Бедный. Вот он такой полезный, да еще и милый.

Н.И.: *Я, когда готовилась к нашему разговору, вдруг поняла — он прожил-то всего шестьдесят.*

А.Т.: Да, шестьдесят один год.

Н.И.: *Умер в 1970-м. Пятнадцать лет — и перестройка. К чему он шел и к чему бы пришел?*

А.Т.: Шел к полному разочарованию в «реальном социализме» — был такой термин в те годы. Страшное разочарование — Чехословакия. «Что делать нам с тобой, моя присяга, / Где взять слова, чтоб рассказать о том, / Как в сорок пятом нас встречала Прага / И как встречает в шестьдесят восьмом», — это стихи из дневника тех дней. Рядом запись: слушал радио, пил, плакал. Он бы тяжело пережил конец советской власти, думаю я. Потому что все-таки социалистическая идея сидела в нем крепко.

И для него то, как все перевернулось, состояние нынешней деревни — это была бы уже новая катастрофа. То, что у нас деньги становятся главным. То, что слово «амбициозный» получает исключительно положительный оттенок. На другом был замешен. Слово «совок» вывело бы из себя. «Совки» лежат в безымянных могилах...

Н.И.: *В последние годы часто сетуют на отсутствие в России гражданского общества. При этом ссылаются на психологию людей, воспитанных в Советском Союзе, где, дескать, априори такового быть не могло. Но оглядываешься хотя бы на то, что называлось тогда литературно-общественной жизнью, и начинаешь понимать, что «гражданское сознание», «гражданский долг» и «гражданственный поступок» не были тогда для очень большого числа людей пустыми словами.*

А.Т.: Совершенно верно.

Н.И.: *Вспомнить, как северные реки не дали повернуть, как боролись Распутин, Залыгин, Белов, Астафьев, Бондарев — и не только они, — защищая Байкал и усадьбы Толстого и Островского от выбросов химкомбинатов, как хоронили Пастернака и того же Твардовского, сколько коллективных писем было подписано в защиту диссидентов, сколько личных писем отправлено на самый верх, чтобы своим авторитетом поддержать кого-то попавшего в беду или в опалу.*

А.Т.: Сколько таких писем Твардовский написал... Это не говоря уж о том, сколько жизни он положил, чтобы до читателей, до того самого общества дошли Виктор Некрасов, Овечкин, Солженицын, Абрамов, Василь Быков, Домбровский — то есть правда о временах сталинского террора, о войне и положении деревни...

Н.И.: *Для меня было неожиданностью, что Твардовский написал письмо в защиту Иосифа Бродского.*

А.Т.: Заметьте: будучи совсем другого типа поэтом.

Н.И.: *Да, есть коротенькая запись у Лидии Корнеевны Чуковской, как Бродский после ссылки пришел в «Новый мир» со стихами, и Твардовский их не взял, сказав — то, что вам пережито, в стихах не отразилось. Но при этом пригласил домой — поговорить.*

А.Т.: Очень на него похоже.

Н.И.: *Бродский, что тоже характерно, отказался.*

А.Т.: Ну конечно они говорили на разных языках. Бродский когда-то сказал, что наш читатель воспитан на «Жди меня», сурковской «Землянке» и на *плясовой* «Тёркина». Что же до стихов Бродского — Твардовский их, может быть, недостаточно оценил потому, что отзвука в этом пласте литературы у него не было. Да, у него были свои вкусовые пристрастия. И ошибки, как и у всех.

Н.И.: *А признавать ошибки он умел?*

А.Т.: Виктор Некрасов, которого Твардовский некогда открыл, писал, что видел его разного, иногда — с побелевшими от ярости глазами, но никто не умел так признавать свою неправоту. И возражал тем, кто утверждал, что Твардовский не любил поэтов — не поэтов он не любил, а бездарей, посредственностей в поэзии.

60-е годы. Он не очень-то добро относится к молодым — не в его духе. В журнале пытаются затеять дискуссию о поэзии. Твардовскому кажется, что слишком часто мелькает фамилия Евтушенко. Устроил сотруднику разнос, потом взял книжку «Яблоко», прочел — парень действительно способный. И дальше что происходит. Печатает он Евтушенко редко, часто ругает. Сам Евтушенко где-то пишет, что плакал от его критики. Но вместе с тем Твардовский предлагает его сборник в серию «Библиотека советской поэзии».

Натыкаешься в «Рабочих тетрадах» на запись — вернулся в «огромность квартиры». Цитата, в кавычках, а потом — и без!

Н.И.: *Пастернак?*

А.Т.: Пастернак — «Мне хочется домой, в огромность/ квартиры, наводящей грусть...» Хотя при этом, когда, кажется, Костя Ваншенкин посетовал, что не был знаком с Пастернаком, Твардовский высокомерно заметил: «Не много потеряли». Во время печально знаменитой истории с «Живаго» он скрепя сердце присоединился к коммюнике предыдущей — Симонова, Кривицкого и т.д. — редакции «Нового мира», что роман не подлежит публикации, но когда Пастернак умер, пытался добиться,

чтобы его по-человечески похоронили, следы этого есть в дневниках. Но ничего не вышло, конечно. Прочитав литературные записи разговоров с Пастернаком, замечает в дневнике: какой несчастный человек, интересный человек. Все-таки при определенной жесткости в характере он был открыт.

Н.И.: *Бродский, описывая Соломону Волкову встречу с Твардовским, говорит, что он был похож на директора завода, то есть обозначает типаж большого чиновника — хоть и от литературы. Это действительно в нем чувствовалось? Какой он вообще был в общении? Цену себе знал? Прямой или с двойным дном был человек?*

А.Т.: Никакого двойного дна не было. А цену себе очень даже знал, это бесспорно.

Н.И.: *Это как поэт.*

А.Т.: Да и вообще как личность. Характер был трудный.

Н.И.: *Трудный — для подчиненных, для близких, для себя?*

А.Т.: И для себя, и для близких — тем более, что была известная русская слабость, и он это очень трагически переживал. Он мог установить дистанцию в общении. В 41-м году весной он встретился в Ялте в Доме творчества с Вениамином Кавериним. Каверин оставил интересные воспоминания об этой встрече. Что он был красив, что было видно, как он безумно любит литературу и ответственно к ней относится, можно назвать его гордецом, но это потому, что он не терпит людей, которые видят в литературе способ добывания средств, этих людей от него относил как ветром. И это было.

Н.И.: *А за что его не любили?*

А.Т.: Твардовского? За гордыню. Считали, что он слишком горд. За резкость в оценках. Замечательная запись у Симонова в воспоминаниях о поре понижения оценок: когда преувеличенно хвалишь то, что похвалы недостойно, — и вдруг ловишь краем глаза укоризненный, угрюмый, печальный взгляд Твардовского. А резкости были такие. Выставляются на премию некие стихи. И Твардовский говорит на обсуждении: я такие стихи теленка могу научить писать. Представляете — простить такое?!

Н.И.: *Он был верующий человек?*

А.Т.: Вы знаете, вот как относительно Чехова до сих пор идут об этом споры, точно так же и с Твардовским. Изумленная запись Симонова где-то в дневнике, что Твардовский знает Новый Завет. Похоже на правду. Возможно, это шло из детства, от семьи. Но он никогда об этом не говорил. Звук уважения к религии — есть. Рассказывают, что он посмотрел фильм Пазолини о Христе и, хотя это фильм не его по стилю, был очень взволнован.

Н.И.: *Западная культура интересовала?*

А.Т.: А знаете, кто один из его любимых писателей? Томас Манн. Я помню, как он брал у Соломона Константиновича Апта еще не напечатанный перевод «Иосифа и его братьев». В дневниках постоянные записи, что одно из самых сильных впечатлений — та или иная статья Манна. Или вот запись в дневнике в конце жизни — стал читать «Хронику Карла IX» Мериме и ругает себя безумно, что не знал ничего этого раньше. Еще одна запись: читает Лакснаса — эта хуторская его поэзия, как я ее понимаю. Упоминает о сучках в потолке. За этим стоит какая-то поэзия воспоминаний — и все это ушло с ним. Не успел рассказать.

Н.И.: *Так вообще ведь ушла, уходит вся эта жизнь. Этого опыта уже почти ни у кого не осталось.*

А.Т.: Он все время вспоминал про их уже исчезнувший с лица земли хутор и говорил, что с этим кусочком земли связано все самое дорогое и главное. Для него это был кусок Мира. Он удивительно чувствовал природу. Опять же в дневниках — какие-то и очень сочувственные, и горькие слова, что он живет на даче и наблюдает — вот такая полоса осени, вот другая, и какое счастье все это видеть, и вдруг такая мысль: а сколько людей этого лишены. Кто бы об этом вспомнил! Простите меня, Пришвину никогда такое и в голову не приходило — восторгается сам. А этот опрокинул сразу на других.

Н.И.: *Одной поэзии ему для самореализации не хватало? Нужно было еще какое-то дело — вот, журнал.*

А.Т.: Это совершенно бесспорно. Когда уже шли последние месяцы существова-

ния его журнала, во время какого-то редакционного разговора он сказал, что считает период «Нового мира» в своей биографии столь же значительным, как период создания «Тёркина». Это важно. Потому что «Тёркин» ведь — «моя отрада, отдых мой и подвиг мой».

В первый приход в «Новый мир» он еще был не так увлечен журналом. Хотя, что значит, увлечен — не увлечен... В 52-м году Валентин Овечкин — кстати, один из тех, кто критиковал «Родину и чужбину» Твардовского и даже замахивался на «Дом у дороги» по поводу отсутствия там колхозной действительности — обошел все редакции со своими «Районными буднями» и везде получил от ворот поворот. И пришел в «Новый мир» уже в полной безнадежности, да еще попал в конце рабочего дня, и уборщица сказала ему — да ты оставь, мол, не потеряется. И он уехал в свой Курск. А через два дня получил телеграмму с вызовом — для подготовки рукописи к печати. Твардовский рассказывал потом, что взял эту рукопись, начал читать в редакции, заинтересовался, читал в машине по дороге на дачу, был так потрясен, что заплакал, на следующий день, не дожидаясь Москвы, где-то по дороге остановился и дал телеграмму автору... И ведь он пробил «Районные будни», что в ту пору было поразительно. Алексей Иванович Аджубей, бывший редактор «Известий», который, будучи зятем Хрущёва, хорошо знал политическую кухню той поры, говорил, что, если бы Сталин не умер, «Районные будни» еще бы отпрыгнулись Твардовскому не меньше, чем роман Гроссмана «За правое дело». Это был огромный прорыв.

Н.И.: *То, как Твардовский получил и читал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, — точная рифма к овечкинской истории, но уже из второго периода его редакторства в «Новом мире».*

А.Т.: Да, он вечером начал читать рукопись уже в постели, но понял, что так не считаешь, оделся, читал всю ночь напролет, утром принялся звонить — где, кто этот автор (рукопись была подписана «А.Рязанский»). Как и с «Районными буднями», он затеял почти безнадежное дело. Но «Один день» был напечатан. И Твардовский совершенно прав, оценивая это как подвиг.

Н.И.: *А вообще Твардовский к людям относился осторожно, приглядывался или обольщался?*

А.Т.: И обольщался, конечно. Было. Ну вот влюбленность в Солженицына. Огромная. И потом — почувствовал, что ответ неадекватен. Что журнал для того в какой-то степени — ступенька. К сожалению, он сам для многих людей был в своей жизни ступенькой.

Н.И.: *Вы не читали переписку Василя Быкова с Твардовским в «Вопросах литературы»? Там есть поразительная вещь — когда Быков не отказался от публикации в «Новом Мире» после отставки Твардовского, тот ему этого не простил (Быков это сам почувствовал) и больше не писал ему никогда. Он-то поддержал Быкова в самый трудный для того момент — знаменитое: «Все минется, а правда останется».*

А.Т.: Печататься или не печататься в «Новом мире» после ухода Твардовского — были разные точки зрения. Для самого Твардовского это, конечно, была боль. У меня возникла личная ситуация такого рода. «Новый мир» заказал мне в этот момент статью к его 60-летию. Я согласился. Через некоторое время узнал, что Александр Трифонович огорчен этим. Я ему позвонил, мы должны были встретиться. Потом он мне позвонил с квартиры Лакшина, где они сидели, чай пили или застолье было, не знаю, спросил, не приеду ли я. У меня с Лакшиным были сложные отношения, я сказал, что не приеду, но для себя вопрос решил и писать не буду. Он сказал — ах, как хорошо, вы знаете, это будет журнал хуже «Октября». Тут уже была какая-то ревность — и в то же время что-то такое детское.

Литература — вещь жестокая. Это нам только кажется, что в XIX веке классики сидели рядом и очень друг друга любили. Но это уже другой сюжет.

Н.И.: *Очень типичный как раз сюжет.*

А.Т.: История вся на параллелях. Судьба «Нового мира» очень похожа на судьбу некрасовского «Современника» и «Отечественных записок» Салтыкова-Щедрина. Для тех это тоже было любимое детище. И Твардовский был великий поэт и один из

наших великих редакторов. Опять же — насчет параллелей. Когда закрыли постановлением четырех царских министров «Отечественные записки», Щедрин писал — такое ощущение, что у меня опечатали душу. И друзья Щедрина обсуждали в переписке, как он будет жить без журнала. Ну, тот прожил еще несколько лет, а Твардовский сгорел. Была просто травля. И «деятель ленинского типа», как именовали Брежнева, не соизволил его принять и не ответил на его последнее отчаянное и в то же время высокое письмо, когда он пишет — то, что происходит с «Новым миром», будет воспринято как проявление сталинизма. Наплевать им всем на это было в высшей степени!

К сожалению, мы, русские, не ценим нашей славы. И Твардовского мы не ценим. Вот отмечали очередную годовщину Победы — Твардовский почти не звучал. Нет, выпал из обращения. Все это было так давно. Выросли новые поколения. Уже школьники рассматривают Великую Отечественную войну, как Вторую Пуническую, где-то в античном мире. Встречаешься с ними, рассказываешь, читаешь стихи — задевает. Вообще, очень похоже на то, как смотрят, сколько у ветерана на груди орденов, а нашивки за ранения не замечают.

Н.И.: *Андрей Михайлович, просто уже представления не имеют, что это такое.*

А.Т.: И со стихами то же самое происходит. Не сейчас началось. 64-й год. Звонят с телевидения: не прочитаете ли вы со своими комментариями стихотворение Твардовского «В тот день, когда окончилась война». Меня хлебом не корми, дай почитать Твардовского. Спрашиваю — а когда будете давать? Между третьим и четвертым актами трансляции оперетты «Сильва».

Н.И.: *Фантастика!*

А.Т.: Я точно так же изумляюсь. Отвечают — все уже запланировано. Начал обзванивать телевизионное начальство, поднимаясь все выше. Разводят руками. И только на самом верху согласились — да, нехорошо, давайте сделаем хотя бы после. И вот — это самое «после». Конец рабочего дня. Довольно неприиспособленная еще Шаболовка. Прямой эфир. Я уже говорю, а вокруг убирают какие-то декорации. Начинаю читать стихи, и в какой-то момент чувствую — что-то произошло. Краем глаза кошусь и вижу, что люди стоят, замерев, и слушают.

Меня тут как-то попросили поговорить о войне и военной литературе с ребятами, которые участвуют в конкурсе чтецов. Их учили дикции, отработывали интонацию. А я им читал все те же «Я убит подо Ржевом», «Смерть и воин»... И что-то изменилось у них в глазах. Ну, когда девочки слезятся, понятно, но подошел мальчик и сказал: я выбирал для себя другие стихи, но возьму Твардовского. Не читают, видимо, им ничего такого... Да, это жестокая память. Это будет потрясение. Но пусть будет это потрясение. Я считаю, что только такими сильными средствами можно сегодня до них достучаться. Это ведь не просто история, это судьба каждой нашей семьи. Покопайся — и найдется солдат, который погиб или был покалечен. Почти в каждой родословной.

Н.И.: *В последние два года таким потрясением стало шествие «Бессмертного полка» в день Победы — с фотографиями воевавших родных и семейными историями.*

А.Т.: Безусловно. Для Твардовского одно из главных слов, понятий — *память*. В «Василии Тёркине» есть глава, посвященная специально этому.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придёт — ещё повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населённый пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почеть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

Сейчас, когда почти в обиход вошло шествие «Бессмертного полка», можно сказать, что этот день пришел. И это прекрасно.